ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЦЕНА 69 руб., 11.90 грн., 4900 бел. руб., 250 тенге

100 НАША ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ ИМЕН

24

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

DeAGOSTINI

100 НАША ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ ИМЕН

«Наша история. 100 великих имен»
Выпуск №24, 2010
Выходит раз в неделю

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция: ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

www.deagostini.ru

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-36786 от 3 июля 2009 г.

По всем вопросам, касающимся информации о коллекции, обращайтесь по телефону **бесплатной «горячей линии» в России:**

8-800-200-02-01

Адрес для писем читателей: Россия, 170100, г. Тверь, Почтамт, а/я 245, «Де Агостини», «Наша история. 100 великих имен». Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).
Распространение: ЗАО «ИД Бурда»

УКРАИНА
Издатель и учредитель: ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес: 01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Министерства юстиции Украины КВ № 15613-4085Р от 08.09.2009 г.

По всем вопросам, касающимся информации о коллекции, обращайтесь по телефону **бесплатной «горячей линии» в Украине:**

8-800-500-8-400

Адрес для писем читателей: Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Наша история. 100 великих имен» Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

БЕЛАРУСЬ
Импортёр и дистрибьютор в РБ:
ООО «РЭМ-ИНФО», г. Минск, пер. Козлова, д. 7г, тел.: **(017) 297-92-75**
Адрес для писем читателей: Республика Беларусь, 220037, г. Минск, а/я 221, ООО «РЭМ-ИНФО», «Де Агостини», «Наша история. 100 великих имен»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая цена: 69 руб., 11.90 грн., 4900 бел. руб., 250 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить рекомендуемую цену выпусков.
Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг», 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 175 000 экз.

© ООО «Де Агостини» 2010

Текст: Сергей Громов

ISSN 2076-7137

Дата выхода в России: 28.07.2010

В НОМЕРЕ

ПРОЛОГ 4

ЖИЗНЬ И ЭПОХА 6
- Державный атаман
- Поиски колыбели
- След под Могилевом
- Накануне экспедиции
- Чусовские версты
- По селеньям и улусам
- Рождение империи
- На вечное поселение

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОБЫТИЯ 20
- Судьба Евразии

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ 24
- Заслуженные сибиряки

ИТОГИ 28
- «В пароходы, строчки» и т. д.

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: Bridgeman/Fotobank.ru; 3: РИА «Новости»; 6: (центр) РИА «Новости», (низ) © Галина Онищенко/Фотобанк Лори; 7: (верх) © Николай Дятлов/Фотобанк Лори, (низ) РИА «Новости»; 8: (все) РИА «Новости»; 9: (верх) РИА «Новости», (центр) Bridgeman/Fotobank.ru; 10: РИА «Новости»; 11: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) Bridgeman/Fotobank.ru; 12: (все) Агентство «Фото ИТАР-ТАСС»; 13: (верх) Архив изображений ДеА, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 14: (верх) Bridgeman/Fotobank.ru, (низ) EastNews/AKG; 15: (верх) Gettyimages.com/Fotobank.ru, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 16: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 17: (центр) EastNews/Fine Art, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 18: (все) EastNews/Fine Art; 19: (верх) РИА «Новости», (низ) EastNews/Fine Art; 20: РИА «Новости»; 20/21: (на развороте) Bridgeman/Fotobank.ru; 21: (верх) РИА «Новости», (низ) Bridgeman/Fotobank.ru; 22: (верх) Bridgeman/Fotobank.ru, (низ) РИА «Новости»; 23: (верх) EastNews/AKG, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 24: EastNews/Fine Art; 25: (верх) Bridgeman/Fotobank.ru, (низ) РИА «Новости»; 26: (верх) РИА «Новости», (низ) EastNews/Fine Art; 27: (верх) РИА «Новости», (низ) EastNews/Fine Art; 28: РИА «Новости»; 28/29: (на развороте) РИА «Новости»; 29: (верх) © Борис Иванов/Фотобанк Лори, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 30: (верх) РИА «Новости», (низ) EastNews/AKG; 31: (все) РИА «Новости»; задняя обложка: Bridgeman/Fotobank.ru.

Ермак Тимофеевич

(?–1585)

«Сибирского царя Кучюма и с его детми с Алеем да с Алтынаем да с Ышимом и с вои его победиша; и брата царя Кучюма царевича Маметкула разбиша ж...»

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

Человек-символ

Во всей нашей богатой на глобальные события истории трудно найти образ более привлекательный и, наверное, более подходящий для интегрально-символической характеристики страны и ее народа, нежели полулегендарная фигура Ермака, покорителя Сибири. Связанные с ней загадки и мифы, народные песни и выразительные баллады, кропотливые научные изыскания и вольные сочинения романистов, жаркие мировоззренческие споры и единодушные историософские оценки — все это так или иначе определяет духовную сущность России. Или то, что мы под этим феноменом привыкли понимать. В нем мало очевидного, однозначного, безусловного. И неудивительно, что, стремясь как можно ближе подобраться к постижению этой сущности, исследователи вынуждены слишком часто использовать вводные слова: «видимо», «вероятно», «возможно» и т. п.

Так какой же была (в этом месте как раз требуется одно из упомянутых вводных слов) жизнь Ермака, олицетворенного символа нации?

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1552	→	Завоевание Иваном Грозным Казани.
1554	→	Взятие войсками Ивана Грозного Астрахани.
1558—1583	→	Ливонская война Руси против Польши, выступившей в союзе с Литвой и Швецией.
1581	→	Осада русскими войсками Могилева. Присутствие под его стенами казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем.
1582	→	Выступление отряда Ермака в сибирский поход. Отплытие по реке Чусовой из Орла-городка (вотчины купцов Строгановых). Переход через Уральский хребет. Первые стычки с отрядами сибирского хана Кучума. Бой под Кашлыком. Взятие ермаковцами сибирской столицы. Битва близ Абалацкого озера, завершившаяся сокрушительной победой казаков над войсками Кучума. Установление союзнических (и даннических) отношений казаков Ермака с вождями сибирских племен и улусов.
1583	→	Отправка посланников Ермака к царю Ивану Грозному.
1583—1584	→	Пленение предводителя ханского войска Маметкула. Походы дружины Ермака по рекам Обского бассейна. Приведение к шерти (присяге) представителей коренного населения Зауралья.
1584—1585	→	Прибытие царских стрельцов под началом князя Семена Болховского в Кашлык. Голодная зима, унесшая жизни многих казаков и большинства царевых слуг.
1585	→	Убийство Ивана Кольца и воинов его отряда в стане мурзы Карачи. Осада Кашлыка татарским войском. Разгром войска Карачи и прекращение осады Кашлыка-Искера. Гибель атамана Ермака Тимофеевича.
1586	→	Закладка первого русского острога в Зауралье — города Тюмени.
1587	→	Основание Тобольска, первой русской «столицы Сибири».

ДЕРЖАВНЫЙ АТАМАН

«Родом неизвестный, душою знаменитый» — эта необычайно емкая карамзинская формула давно стала хрестоматийной. Она, как никакая другая, подходит для краткого описания исторического феномена под именем Ермак Тимофеевич.

Деревянная скульптура донского казака у входа в Старочеркасский музей-заповедник.

ПОИСКИ КОЛЫБЕЛИ

Непреодолимый барьер

От внимания внушительной армии литературоведов-пушкинистов, естественно, не ускользнул факт того огромного интереса, который наш главный писатель проявлял к фигуре Ермака Тимофеевича, достославного покорителя Сибири. Написать его крупным планом на одном из своих масштабных литературно-исторических полотен Пушкин замыслил еще в последние годы царствования Александра I. Но осуществиться этому замыслу суждено не было...

Александру Сергеевичу совершенно не нравилось то, что выходило о Ермаке из-под перьев «собратьев по цеху», известных литераторов-современников. К примеру, в ноябре 1823 года, в письме к П. А. Вяземскому, способствовавшему популяризации стихотворных произведений И. И. Дмитриева, Пушкин писал: «Ты покровительствуешь старому вралю... Ермак такая дрянь, что мочи нет». «Дрянью» великий поэт назвал, разумеется, не прославленного первопроходца эпохи Ивана Грозного, а стихотворение, сочиненное Дмитриевым в конце XVIII столетия.

«Дума» К. Ф. Рылеева под названием «Смерть Ермака» положительных эмоций у Пушкина также не вызвала. В послании к будущему организатору восстания на Сенатской площади, сочиненном в конце мая 1825 года, Александр Сергеевич откровенно указал: «Все они («Думы») слабы изобретением и изложением. Все на один покрой... Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен». Казалось бы, тут-то и пришло время «солнцу нашей поэзии» осветить дела давно минувших дней, нарисовать видевшийся ему образ легендарного атамана. И Пушкин к этому стремился до конца своей жизни, тщательно выискивая данные о Ермаке не только в трудах Н. М. Карамзина и других «профессиональных» историков, но и в летописях и даже национальном фольклоре.

Что же помешало великому писателю на этом исследовательском и творческом пути? Ответ на вопрос очевиден для всех, кто пытался и до сих пор пытается изучить «биографию» Ермака Тимофеевича. Увы, никакой биографии в полном смысле этого слова

Скалистый берег зимней Камы.

у первого русского завоевателя азиатской части нашей страны никогда не существовало.

Нам неведомы ни время, ни место его рождения, ни имя, предположительно данное ему родителями в крещении, ни периоды жизни, сколь-нибудь хронологически удаленные от ее заключительного этапа. Откуда ж Пушкину было взять исходный материал для яркого, а главное, неизбитого сюжета, связанного с подвигом «российского Пизарро» (по выражению Карамзина)?!

Вид на одно из сел на берегах Северной Двины.

Ничего определенного

Ввиду почти полного отсутствия биографических сведений о Ермаке наши соотечественники в течение нескольких столетий вынуждены довольствоваться лишь гипотезами разной степени достоверности.

Дореволюционная энциклопедия Брокгауза и Ефрона, в частности, сообщает: «Происхождение Ермака неизвестно в точности: по одному преданию, он был родом с берегов Камы (Черепановская летопись), по другому — уроженцем Качалинской станицы на Дону (Броневский). Его имя, по мнению профессора Никитского, есть изменение имени "Ермолай"; другие историки и летописцы производят его от Германа и Еремея. Одна летопись, считая имя Ермака прозвищем, дает ему христианское имя Василий».

«Неизвестно в точности» звучит сегодня как эвфемизм, правильнее было бы констатировать: неизвестно ВООБЩЕ. А потому версии, касающиеся родословия и малой родины Ермака, продолжают множиться и в наши дни.

«Сказание Сибирской земли» (оно вошло в летопись, составленную во второй половине XVIII века тобольским ямщиком Ильей Черепановым, а также в так называемый «Бузуновский список Есиповской летописи сокращенной редакции», изданный в 1907 году) дает самые «подробные» и самые сомнительные до недавнего времени (теперь на эту тему сочиняют еще более «вдохновенно») «свидетельства» о происхождении Ермака: «О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его был суздалец, посадский человек, жил в лишении. От хлебной скудости сошел во Владимир... Его звали Афанасий Григорьевич Аленин. И тут воспитал двух сынов Родиона да Тимофея, и кормился извозом, и был в найме на подводах у разбойников. В Муромском лесу был пойман и сидел в тюрьме. А оттуда (из Мурома? из Владимира? — *прим. ред.*) бежал с женою и детьми в Юрьевец Поволжский (в летописи «Поволской» — *прим. ред.*). Умер, а дети Родион и Тимофей от скудости сошли на реку Чусовую, в вотчины Строгановых, где породили детей... У Тимофея дети: Гаврила да Фрол да Василий. И оный Василий был силен и велеречив, и остр. Ходил у Строгановых на стругах по рекам Каме и Волге. И от той работы принял смелость. И прибрав себе дружину малую, пошел от работы на разбой... Звался атаманом, прозван Ермаком...» (Орфография, синтаксис и пунктуация оригинала адаптированы.)

Подавляющее большинство исследователей сибирского похода Ермака это «генеалогическое» сказание восприняли как ненаучную фантастику. Хотя бы потому, что выходец из простонародья (да к тому же в XVI веке!) только по какому-то невероятному, исключительно чудесному наитию мог написать, «откуда рождение его».

На берегу Волги в окрестностях Юрьевца.

Едва ли заслуживает особо пристального внимания и гипотеза автора «Истории Донского войска» В. Б. Броневского (1784—1835), поместившего ермакову колыбель в станицу Качалинскую. По всей видимости, не было при жизни Ивана Грозного такой станицы (как постоянного населенного пункта) на берегах славной «казачьей» реки. А может, и нигде не было.

Насколько оправданно предположение о появлении на свет «российского Пизарро» в районе Прикамья? Вполне. Как, впрочем, и любое другое, которое допустимо хотя бы теоретически.

«В теории» же Ермак мог быть сыном донского казака и (или) внуком суздальского горожанина, потомком могущественного татарского хана или воспитанником вольных северодвинских поморов («з Двины, з Борку», как сообщает о Ермаке одно из дошедших до нас преданий), уроженцем Верхнего, Среднего, а то и Нижнего Поволжья, Пермского края, Великого Новгорода... и даже Москвы.

СОБРАНИЕ ДОМЫСЛОВ: ЕР-МАР, ЕВСЕЙ, ЭРНАН...

Наша информационная эпоха новой информации о Ермаке не добыла. Зато «информационного шума» привнесла очень много. Чаще всего этот «шум» представляет собой мистификации, больше похожие на открытые издевки.

Так, в 1996 году в журнале «Наука и религия» была опубликована статья некоего Мусы Валиева, сообщившего, что Ермак был не кем иным, как представителем кераитского княжеского рода Ер-Маров, носил имя Ер-Мар Темучин, а за Урал пошел с целью вернуть своему роду захваченный узурпатором княжеский трон.

Писатель Александр Левинтов «широко прославился в узких кругах» статьей «К вопросу о возможном происхождении Ермака Тимофеевича», в которой то ли в шутку, то ли всерьез предположил, что объект его «исследования» был родом из Кафы (Керчи), «вероисповеданием крещеный еврей, из католиков». А звали его Евсеем Коломбо, и приходился он внучатым племянником Христофору Колумбу.

Но дальше всех пошли в этом смысле вездесущие А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский, выпустившие книгу «Завоевание Америки Ермаком-Кортесом...». По заглавию легко определить суть их «теории»: Ермак и Эрнан Кортес — одно лицо.

СЛЕД ПОД МОГИЛЕВОМ

Добрая воля владыки Киприана

На вопрос «Кем был и что делал Ермак до своего похода в Сибирь?» отечественные историки (включая летописцев, обходившихся без помощи печатного станка) пытаются ответить с тех пор, как возникли за Уральским хребтом самые ранние «очаги Православия». Все эти бесчисленные попытки проникновения в тайны имени, национального, социального и «территориального» происхождения народного героя если и увенчались успехами, то весьма условными.

Первым инициатором его популяризации был архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан (Старорусенков). В 1621 году он — направленный в Сибирь и благословленный фактическим основателем романовской династии, Патриархом Филаретом, — принял под свое начало вновь образованную зауральскую епархию. А через год-полтора ее священнослужители собрали устные и будто бы даже письменные «свидетельские показания» доживших до того времени ермаковых казаков. Те (если судить по старинным рукописям) не скупились на подробности о приключениях и злоключениях дружины Ермака по обе стороны Уральских гор, но не сообщили почти ничего сугубо биографического о доблестном атамане.

А может, и сообщили, однако такие детали, которые, с точки зрения Церкви и молодого романовского государства, оказались крайне «неудобными». К примеру, то, что, по единодушному мнению долгожителей-соратников Ермака Тимофеевича, никакого христианского имени у него отродясь не было... Следовательно? Сибирь для русского царя покорял «нехристь»? Теоретически и это не противоречит условию задачи со многими неизвестными. Хотя и отдает неким историческим нигилизмом.

Как бы там ни было, среди имен воинов, коим по почину архиепископа Киприана провозглашалась в тобольских храмах вечная память, лишь одно выделялось своим откровенно «бусурманским» происхождением — Ермак.

По большому счету, у всякого исследователя начального периода российского

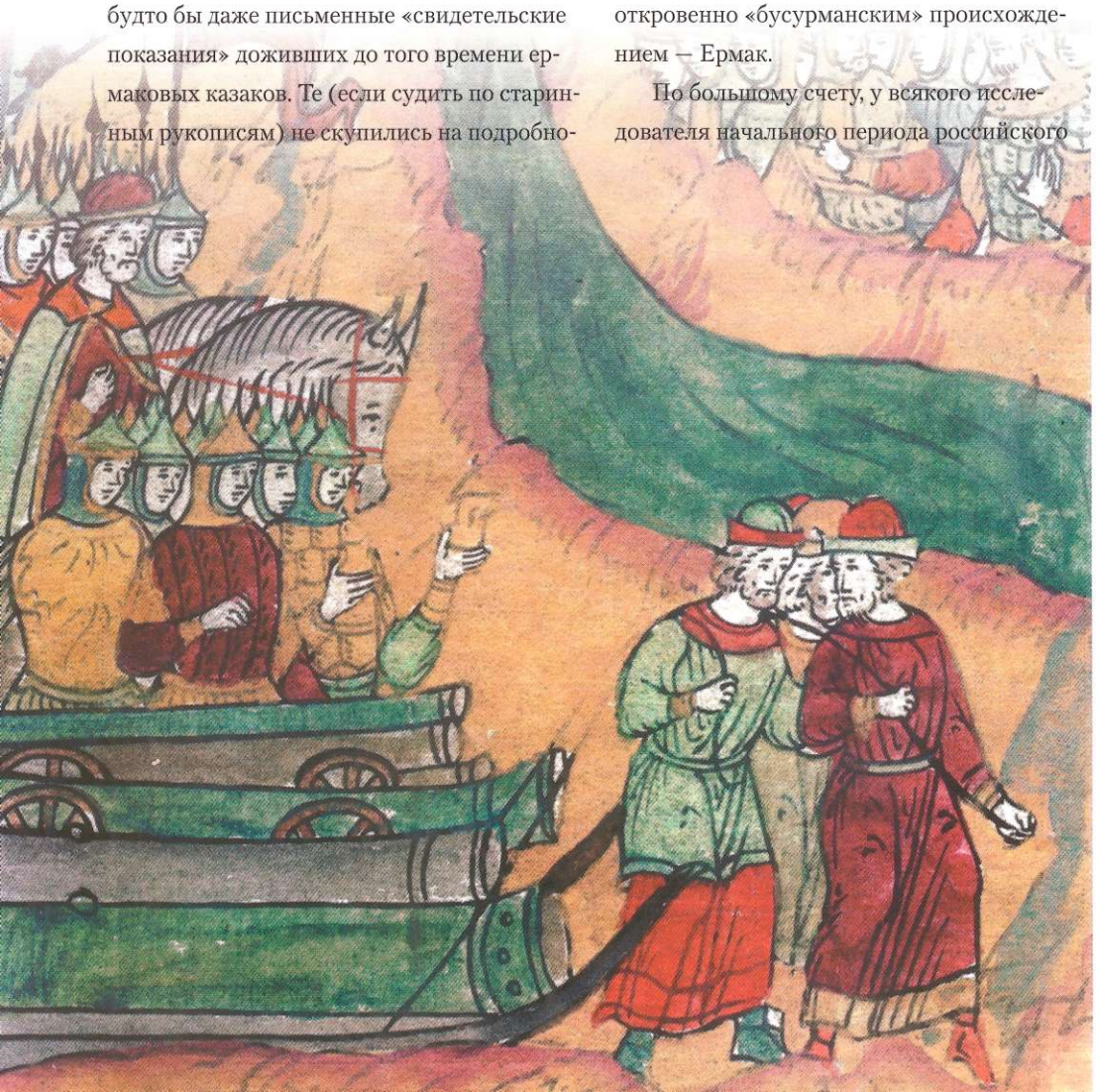
Картина С. Васильковского «Казаки в степи».

освоения Сибири есть право выбора. Можно принимать на веру те или иные версии великого множества историков — от Г. Миллера и Н. Карамзина до современных «ермаковедов». Можно отказать в доверии всем им сразу или каждому по отдельности, предприняв самостоятельное путешествие по непролазным дебрям старых летописей. В любом случае результат предсказуем: количество вопросов, загадок, тайн по мере углубления в эти дебри отнюдь не уменьшится, скорее наоборот.

Тот же Карамзин, отдавая приоритет Строгановской летописи (составленной якобы в самом начале XVII века) и находя летопись Ремезовскую (конец XVII века) «сказочной», взял да и позаимствовал у русского географа и историка Сибири Семена Ремезова одну из мифологем. Вслед за Ремезовской летописью (точнее — ее списком, аутентичность коего установить, вероятнее всего, невозможно) автор «Истории государства Российского» совершенно безосновательно нарек легендарного атамана-первопроходца далеко не самым распространенным на Руси, но все же вполне христианским именем Герман.

Казацкая правда

А вот что традиционно не вызывало споров в научных кругах, так это принадлежность Ермака к русскому казачеству, донскому ли, волжскому ли — не суть важно. Посему, наверное, нелишне ознакомиться с историографической версией, вышед-



«Подвоз пушек к Казани во время ее осады» на миниатюре из списка Никоновской летописи (XVI в.).

Картина П. Соколова-Скали «Взятие Иваном Грозным Ливонской крепости Кокенгаузен».

шей из казачьей среды. Ее представитель Евграф Савельев написал в начале XX века довольно любопытный труд «История казачества с древнейших времен». Приводим из него наиболее подходящие к нашей теме выдержки.

«Казаки принимали весьма деятельное участие во всех войнах, которые вела Москва со своими соседями: казанцами, астраханцами, крымцами, Польшей и Ливонией... Донские и волжские казаки составляли одно войско и часто переходили с одной реки на другую...

Казаки ходили под Казань с атаманом Сусаром Федоровым и многими другими. Старинные казачьи былины-песни говорят, что в числе этих атаманов был и Ермак, сын Тимофея... Былины эти нисколько не противоречат как летописным сказаниям, приведенным историками Карамзиным и Соловьевым, так и бытовым условиям казачьей жизни на Дону, а потому эти былинные сказания мы можем принять за достоверные...

Некоторые историки сомневаются в том, что Ермак мог участвовать в покорении Казани, т. к. в 1552 г. он, по их мнению, был очень молод. Что ж из этого? Пусть ему в то время было 25—30 лет, а при покорении Сибири в 1582 г. — 55—60. Удивительного тут ничего нет. В атаманы казаки выбирали не по летам, а по природной храбрости и уму, т. е. по выдающимся качествам...»

Вслед за «некоторыми историками» усомнимся и мы (насчет участия Ермака в боях за Казань), ибо отсылки к фольклору как единственному источнику — в общем-то, слабая аргументация. Однако к нижеследующей цитате из книги Е. Савельева уместно отнестись с гораздо большей серьезностью.

«Профессор русской истории Петербургской духовной академии М. О. Коялович опубликовал в 1867 г. "Дневник Стефана Батория", литовско-польского короля, в котором привел письмо пана Стравинского из Могилева на имя короля, бывшего в то время в войне с Москвой. Стравинский писал:

"Московские люди, вторгнувшись в государство Вашего Королевского Величества и все, начиная от Дубровны, предавая огню и опустошению, пришли под город Могилев во вторник 27 июня (1581 г.), в третий час дня... Начальствовали над этими людьми воеводы: Катырев, Хворостинин, Бутурлин... четырнадцатый Василий Янов, воевода донских казаков, 15-й Ермак Тимофеевич, атаман казацкий... С ними было людей: татар, т. е. темниковских, кадомских, касимовских, свияжских и чебоксарских, также москвитян 45000 стрельцов, с Дону и московских (казаков) 1000 на конях, которые целый день во вторник, нападая со всей силой, старались прорваться к городскому укреплению, желая зажечь острог, от чего мы их с Божией помощью удерживали огнем из замка и из острога и не допускали до этого"».

Возможно ли предположить, что письмо коменданта Могилева пана Стравинского, по крайней мере в том фрагменте, в котором упоминался «Ермак Тимофеевич, атаман казацкий», было сфабриковано или неверно переведено историками XIX века? Предположить возможно. Но это не даст никаких преимуществ в деле изучения хронологии ермакова похода в Сибирь, а существующую благодаря старым летописям дикую путаницу в датировках оставит неизменной.

Стефан Баторий на гравюре XIX века.

АНТРОПОЛОГИЯ: ГАДАНИЯ ПО КАРТИНАМ

В своей «Истории казачества...» Евграф Савельев, помимо всего прочего, бегло проанализировал внешность Ермака (вернее то, что нам о ней известно): «Летописцы нам говорят, что Ермак был роста среднего, широк в плечах, сложения крепкого, волосы на голове имел черные, кудреватые, бороду черную, глаза весьма быстрые, лицо широкое и пригожее, нос, судя по древнему портрету, с горбинкой». И «казаковед» пришел к выводу: азовско-донское происхождение покорителя Сибири, как говорится, «на лице»: «Азовские казаки, потерпевшие в силу своих исторических судеб метизацию с южными народами, были большею частью брюнеты, с вьющимися волосами, среднего роста, крепкого сложения».

НАКАНУНЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Строгановский мотив

Фигура Ермака к моменту первой публикации «Письма Стравинского» была в России чрезвычайно популярной. И вряд ли у профессора Михаила Кояловича могла возникнуть острая необходимость эту могилевскую депешу фабриковать или вносить в ее русскую редакцию фиктивные сведения, к тому же плохо сочетающиеся с «общепризнанной» (карамзинской) версией начала эпохальных сибирских завоеваний.

В «Истории государства Российского» Карамзин сообщает следующее: «Нагрузив ладьи запасами и снарядами, легкими пушками, семипядными пищалями; взяв вожатых, толмачей, иереев: отпев молебен; выслушав последний наказ Строгановых: "идти с миром, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожного султана Кучума", Ермак с обетом доблести и целомудрия, при звуке труб воинских, 1 сентября 1581 года отплыл рекой Чусовой к горам Уральским, на подвиг славы, без всякого содействия, даже без ведома государева: ибо Строгановы, имея Иоаннову жалованную грамоту на места за Каменным Поясом (Уральскими горами — *прим. ред.*), думали, что им уже нет надобности требовать нового царского указа для их великого предприятия».

Еще раз отметим очевидный факт предпочтения, которое Н. М. Карамзин отдавал летописи, писанной по заказу Строгановых. И обратим внимание на ключевую дату — 1 сентября 1581 года. Получается, что, поучаствовав в самом конце июня того же года в одном из эпизодов Ливонской войны, Ермак Тимофеевич вдруг стремительно помчался далеко на восток. И за два месяца ухитрился не только достигнуть вотчин Строгановых на реке Чусовой, но и полностью подготовиться вместе со своим войском к долгому, многотрудному и опасному походу. Нет, что-то тут не так. Отмотаем немного назад ленту событий, запечатленных в самой почитаемой у нас «Истории...».

«И действительно, — как будто вторит этому сомнению со страниц своей книги Карамзин, — 22 июля 1581 года усердные казаки разбили наголову мурзу Бегулия, дерзнувшего с семьюстами вогуличей и остяков (манси и хантов — *прим. ред.*) грабить селения на Сылве и Чусовой; взяли его в плен и смирили вогуличей».

Вогуличей, по мнению выдающегося русского историка и литератора, смирили

Река Чусовая.

казаки под командованием Ермака, собравшего на Волге «540 отважных бойцов» и прибывшего с ними к Строгановым.

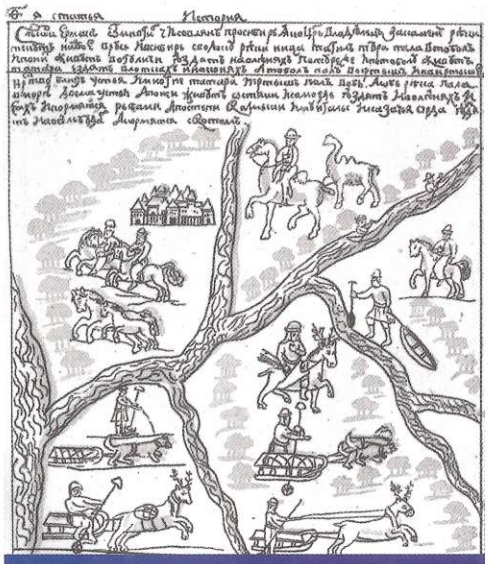
Лучше меньше...

«Сибирская» датировка Карамзина, не знавшего ни о «могилевском письме», ни об участии легендарного атамана в войне против Стефана Батория, опиралась на шаткий фундамент главных региональных археографических памятников — Строгановской и Есиповской (Саввы Есипова, дьяка при сибирском архипастыре) летописей. О том, какие обстоятельства дали первоначальный толчок их составлению, достаточно убедительно рассуждал в своей книге «Ермак» профессор Р. Г. Скрынников (1931—2009): «Книжники (архиепископа Киприана — *прим. ред.*) пытались выяснить у казаков, в каком году те взяли Сибирь. Но тут они потерпели полную неудачу. В Средние века простой люд никогда не заглядывал в календарь. Многие не знали даже года своего рождения: активная жизнедеятельность человека продолжалась до тех пор, пока его не покидали силы. Точный возраст сам по себе не имел никакого значения. Человек вел счет не по годам, а по запоминавшимся ему событиям. Для ермаковцев таким событием было прежде всего "сибирское взятие". На все расспросы Киприана они отвечали, что служат службу в Сибири сорок лет "с сибирского взятия". Поскольку Киприан прибыл в Тобольск в 7129 (1621) году (счет времени вели от Сотворения мира), летописец рассчитал, что "сибирское взятие" имело место сорока годами ранее, или в 7089 году. Указанный год начинался 1 сентября 1580 года и заканчивался 31 августа 1581 года... Тщательно расспросив ермаковцев, дьяк и его помощники написали сначала синодик (поминальник, посвященный погибшим в походе за Урал казакам — *прим. ред.*), а затем краткую летописную "Повесть о сибирском взятии"».

«Шаман» работы В. Сурикова.

Судя по всему, именно эта «Повесть...» и послужила первоосновой для написания всех старейших сибирских летописей. Р. Г. Скрынников считал, что опубликованный в России «Дневник Стефана Батория» заслуживает всяческого доверия, и построил свою хронологию в предельно «компактном» и наиболее удобном для всеобщего восприятия виде, то есть начало военной экспедиции Ермака в Сибирь «отодвинул» в 1582 год. И это, пожалуй, правильно. Озадачивает то, что еще в советские времена наши историки в большинстве своем «удлиняли» как минимум на год период пребывания ермаковой дружины за Камнем (Уралом). А некоторые из них сочли вполне доказанным ее прибытие в Предуралье аж в 1579 году. Они, по-видимому, знали о «Дневнике...» не больше, чем их далекий предшественник Н. М. Карамзин. Или по каким-то непонятным причинам сей документ игнорировали.

Мансийского мурзу Бегбелия (Бегулия по Карамзину) в преддверии похода за Уральский хребет «усердные казаки» под началом Ермака, похоже, не разбивали. Летом 1581 года многие из них на Волге грабили караваны иноверцев. Иван Грозный, терпевший катастрофические неудачи на западе страны (в Ливонской войне), опасался открытия полномасштабного «второго фронта» на юге и востоке, а потому всячески старался демонстрировать мусульманским правителям свое миролюбие. Это показное стремление к миру вылилось в царское распоряжение о казни «воровских казаков». Скрынников об этом писал так: «Казаки громили ногайцев с ведома властей. Но в Москве постарались об этом забыть. Волжских атаманов объявили "ворами", поставленными вне закона. Действия волжских казаков против ногайцев возглавили атаманы Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря, будущие сподвижники Ермака в сибирском походе».



«Слыша Ермакъ отъ многихъ Чюсовлянъ про Сибирь, яко царь владелецъ, за Каменемъ реки текутъ на двое, въ Русь и въ Сибирь». Рисунок в Кунгурской летописи второй половины XVII века (издание 1880 года).

ОРГАНИЗАТОРЫ-СНАБЖЕНЦЫ

Вот что сообщает о Строгановых Большая Советская Энциклопедия: «Строгановы, Строгоновы, русские купцы и промышленники, крупные землевладельцы и государственные деятели 16 — начала 20 вв., выходцы из разбогатевших поморских крестьян. Федор Лукич С. обосновался в Соли-Вычегодской. Здесь его сын Аникей (Аника) С. (1497—1570) завел в 1515 солеваренный промысел... В 1558 Иван IV Грозный пожаловал ему и его преемникам огромные владения по рр. Каме и Чусовой (Пермские владения)... Захватывая земли у местного населения и заселяя их пришлыми русскими крестьянами, С. развивали в них земледелие, солеваренные, рыбные, охотничьи и рудные промыслы. Они строили города, крепости, с помощью своих военных дружин подавляли восстания местных народностей и присоединяли к России новые территории в Предуралье, на Урале и в Сибири. Семен Аникеевич С. (умер в 1609) и внуки Аникея — Максим Яковлевич С. (умер в 20-е гг. 17 в.) и Никита Григорьевич С. (ум. в 1620) приняли участие в организации в 1581 году похода отряда Ермака».

ЧУСОВСКИЕ ВЕРСТЫ

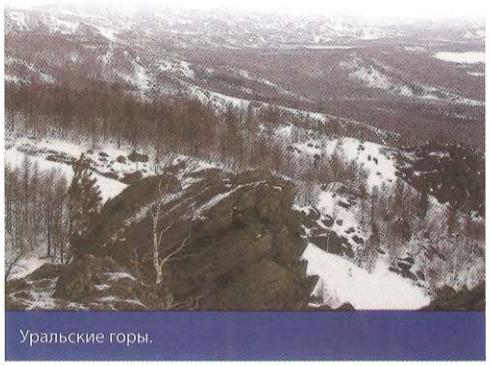
Предобрая и единомысленная

«Итак, — подводит нас к важнейшему историческому рубежу Р. Г. Скрынников, — летом 1581 года Ермак воевал под стенами Могилева, а Иван Кольцо летом и осенью того же года громил ногайцев в Поволжье. Посольский приказ зафиксировал этот факт с протокольной точностью. 28 августа 1581 года в Москву "прибежали" татары из свиты ногайских послов, ехавших к царю, и сообщили, что "на Волге казаки Иван Кольцо, да Богдан Барбоша, да Никита Пан, да Савва Болдыря сотоварищи" погромили ногайское посольство под Сосновым островом. Государев гонец В. Пелепелицын, сопровождавший ногайское посольство, прибыл в Москву 1 сентября и подтвердил сведения о волжском разгроме».

Целесообразно и далее придерживаться версии профессора Скрынникова, признанного авторитета в вопросах истории Руси XVI—XVII веков. По крайней мере, это избавит нас от долгих блужданий по дремучей «тайге» старинных рукописей и неисчислимых интерпретаций оных.

Весной 1582 года, после заключения Иваном Грозным мира с Польшей, Ермак и его будущие сибирские соратники находились, вероятно, на Яике (река Урал). Оттуда их позвал в пермские земли посланник Строгановых. Что он посулил своенравным гулякам-воинам, неведомо. Строгановская летопись на сей счет повествует: «Слышали Семен и Максим и Никита Строгановы от верных людей о буйстве и храбрости поволжских казаков и атаманов Ермака Тимофеевича сотоварищи, кои на Волге, на перевозах ногайцев побивают и ордобазарцев (ханских купцов) грабят и побивают... И людей своих с письмом и многими дарами послали, дабы шли к ним в вотчины их, в Чусовские городки и острожки на подмогу. И они же (казаки) весьма сему возрадовались, так как посланные пришли к ним от честных людей и звали к себе на помощь. Тогда атаманы и казаки Ермак Тимофеев сотоварищи: Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк, собравшись с единомысленной и предоброй дружиной — число же их 500 и 40 человек — вскоре шествие учинили к ним (Строгановым)».

Картина И. Колесникова «Ермак».


Уральские горы.

И хотя в летописи призыв пермских купцов к «поволжским казакам и атаманам» сопровожден датой «6 апреля 1579 г.», в качестве дополнительной исторической «иллюстрации» этот рассказ вполне пригоден. О том, какая помощь нужна была «честным людям», догадаться нетрудно. Их монопольно-фамильная экспансия на востоке Руси требовала основательной силовой поддержки. К кому имело смысл за ней обращаться в обескровленной войнами стране? К царю? Обращались, конечно. Вот только у Ивана Грозного людей для этого явно недоставало.

Прибыв в строгановские вотчины, ермаковы казаки вместе с тамошними людьми достойно встретили атаковавшее из-за Урала неприятельское войско, которое возглавлял сын правителя Сибирского ханства Кучума Алей. Отогнав его отряды от Чусовских городков, ермаковцы отважились на беспрецедентный по дерзости (или, если угодно, авантюризму) бросок к кучумовой столице под названием Кашлык (другие наименования — Искер, Сибирь).

Успеть до морозов

Строгановы, имея все основания опасаться повторного нападения на их городки «гулявших» где-то неподалеку воинов Алея, стремились как можно дольше задержать дружину Ермака в своих владениях. Но, похоже, решение казаков двинуться немедля в поход за Камень было непоколебимым. И в этом можно усмотреть не только бесша-

башную удаль, стремление поживиться на новых землях роскошной добычей, наплевательское отношение к опасностям, подстерегавшим богатейших русских купцов того времени, но и признаки стратегического расчета. Вооруженные силы Кучума в это время разделились, и пока Алей, располагая их ударными подразделениями, совершал набеги в Пермском крае (в частности, на город Соль-Камскую), Кашлык сильно потерял в «обороноспособности». Надо было поспешить туда до воссоединения ханской армии и до наступления сильных холодов.

«Строгановские суда бороздили уральские реки, и их люди прекрасно знали режим этих водных путей. В дни осеннего паводка вода в горных реках и ручьях после сильных дождей поднималась, и горные перевалы становились доступными для переволоки. В сентябре Ермак мог перевалить за Урал» (Р. Скрынников).

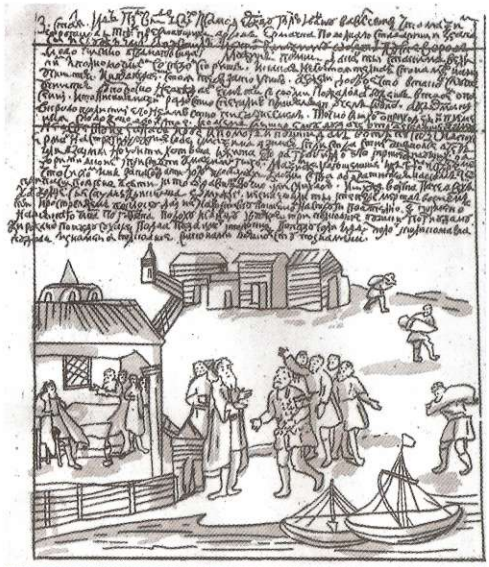
Одна из самых популярных сцен в художественной литературе о Ермаке, перешедшая в нее из Ремезовской летописи, касается того, как Иван Кольцо пригрозил расстрелять Максима Строганова, не желавшего снаряжать экспедицию в Зауралье. По доброй ли воле, по принуждению ли, но всем необходимым для нее чусовские магнаты казаков обеспечили.

Сколько их было — героев нашей главной сибирской эпопеи? Чаще всего называют цифру «540», нередко к ней прибавляют 300, 60, 50 — количество людей, якобы выделенных в помощь ермаковцам Строгановыми. Ну, полсотни человек — в первую очередь, проводников, толмачей и других «узких специалистов» — под дулами казацких пищалей купцы Ермаку, может, и дали, а вот триста едва ли. В противном случае нужно признать, что идея завоевания Сибири безраздельно овладела умами фактических хозяев земель на Чусовой еще до появления там прославленной дружины.

«Казачий атаман Ермак Тимофеевич и его дружина». Лубок XIX в.

Ремезовская летопись говорит о 5000 человек, отправившихся покорять Сибирское царство. Но подобные фантастические данные серьезные историки, как правило, во внимание не принимают.

Как бы то ни было, 1 сентября 1582 года казачьи струги отчалили от пристани строгановской «резиденции» Орла-городка и пошли вверх по реке Чусовой, дабы, по словам Карамзина, «очистить землю Сибирскую и выгнать безбожного султана Кучума». Автор Погодинской летописи обрисовал путь казаков предельно лаконично: «Из Чусовой-реки в Серебряную-реку, а Серебряная-река пришла от Сибирской страны в Чусовую-реку с правой стороны, и Серебряною-рекою вверх же, а с Серебряной-реки шел до реки до Баранчука волоком и суда на себе волочили, а рекою Баранчуком вниз в реку в Тагил, а Тагиломрекою плыли на низ же в Туру-реку». Здесь уместно вспомнить пословицу: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».



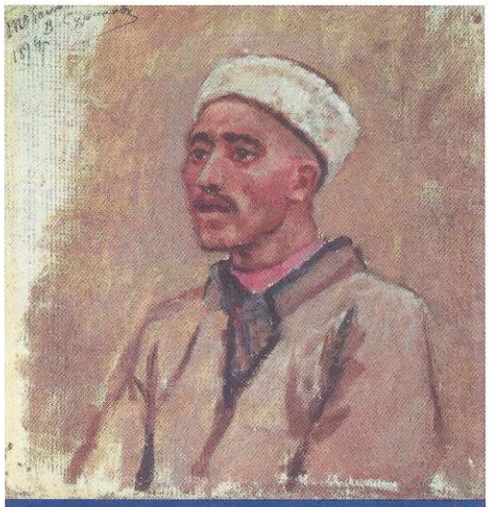
«Вниде въ слухъ къ самодержцу государю Ивану Васильевичю, что Максимъ Строгановъ техъ пресловущихъ воровъ Ермачка Поволскаго съ товарыщи съ запасы и съ ружьемъ отпустилъ, и о томъ къ Максиму объ отпуске воровъ слово писано въ грамоте сице: мужикъ, помни, да какъ ты съ такимъ великимъ и полномочнымъ соседомъ ссоришъ?» Рисунок в Кунгурской летописи второй половины XVII века (издание 1880 года).

ВОЛЬНИЦА МЕЖДУРЕЧЬЯ

Большинство исследователей знаменитого похода (как и абсолютное большинство старых летописных книг) указывали на то, что к Строгановым Ермак с дружиной прибыл с Волги — через Каму в Чусовую.

Р. Скрынников предполагал, что ермаковцы отправились в строгановские вотчины с Яика. Ученый опирался в своей версии на Погодинскую летопись (в составе изданных в 1907 году «Сибирских летописей» именовавшуюся «Есиповской летописью по Погодинскому списку»). В ней есть такое описание маршрута: «С Яика на Иргизские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз-река пришла в Волгу с левой стороны; а Волгой шел Ермак вверх, а из Волги в Каму-реку и Камой-рекой вверх же; а из Камы-реки поворотил направо в Чусовую-реку». Этот путь с Урала (реки) в Волгу, многократно упоминаемый в документах допетровских эпох, по-видимому, был очень хорошо знаком в XVI–XVII веках как волжским, так и яицким казакам. Что не удивительно, ведь они являлись, можно сказать, ближайшими соседями.

ПО СЕЛЕНЬЯМ И УЛУСАМ



«Сибирский татарин» работы В. Сурикова.

Каменный рубеж

«Описывая путь от Чусовой до Иртыша, посланцы Ермака (из посольства, отправленного к Ивану Грозному — *прим. ред.*) ни словом не обмолвились о каких бы то ни было длительных остановках или зимовьях своего отряда. Ермак понимал, что только стремительное и внезапное нападение может привести его к победе, и потому спешил изо всех сил. Люди Ермака не раз преодолевали многоверстовую переволоку между Волгой и Доном. Но преодоление горных перевалов было сопряжено с несравненно бóльшими трудностями. С топором в руках казаки сами прокладывали себе путь, расчищали завалы, валили деревья, рубили просеку. У них не было времени и сил разровнять каменистый путь, вследствие чего они не могли волочить суда по земле, используя катки. По словам участников похода, они тащили суда в гору "на себе", иначе говоря, на руках... Дав передышку людям на перевале, Ермак приказал начать спуск судов по азиатскому склону Уральского хребта... Продвижение в глубь Сибири неизбежно бы задержалось, если бы ермаковцам по пути к Кашлыку приходилось вести бои. Данные Погодинской летописи показывают, что казачья флотилия прошла по глухим сибирским рекам, не встречая большого сопротивления» (Р. Скрынников).

По прочтении этих строк, в которых автор словно дискутирует с потенциальными оппонентами, невольно задаешься вопросом: «Не подгонял ли историк изложение событий под им же самим "укороченную" хронологию?» В книге «Ермак» он привел, казалось бы, не самый выгодный для себя пример с пермскими студентами, проделавшими на лодках тот же самый «путь от Чусовой до Иртыша». Если ермаковым казакам на преодоление расстояний и преград — 300 километров против течения, 1200 километров вниз по течению плюс невероятно трудный горный перевал — потребовалось менее двух месяцев, то студенты затратили на это вдвое больше.

Однако ученый справедливо подытожил: студенты-любители не идут ни в какое сравнение с искушенными в походных делах казаками; лодки первых — не чудо-струги вторых; нынешние мелководные реки — далеко не те, что текли четыре с половиной века назад по обоим склонам Урала. Вряд ли следовало бы столько внимания уделять «хронологической проблеме», кабы не одно обстоятельство: принципиальные споры ученых вокруг датировок, касающихся жизни Ермака, продолжаются по сей день.

«Меч завоевания»

Но двинемся дальше — на сей раз вместе с Н. М. Карамзиным (и строгановским летописцем):

«Вошли атаманы в реку Туру, уже в область Сибирского царства, где в первый раз обнажили меч завоевания. На месте нынешнего Туринска стоял городок князя Епанчи, который, повелевая многими татарами и во-

Картина В. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем».

Сибирский хан Кучум.

гуличами, встретил смелых пришельцев тучей стрел с берега, но бежал, устрашенный громом пушек...

Опустошив улусы и селения вниз по Туре, атаманы на устье Тавды взяли в плен кучумова сановника Таузака...

Кучум собрал войско из всех улусов, выслал племянника Маметкула в поле с многочисленной конницей, а сам укрепился в засеке на Иртыше, под горою Чувашьей, преграждая атаманам путь к Искеру...

В первой битве на берегу Тобола — в урочище Бабасан — Ермак, стоя в окопе, несколькими залпами остановил стремление десяти или более тысяч всадников маметкуловых, которые неслись во весь дух, чтобы потоптать его. Он сам ударил на них и, довершив победу, открыл себе путь к устью Тобола...

Второе, менее важное дело было в шестнадцати верстах от Иртыша, где властвовал царский думный советник Карача... Ермак взял его улус и в нем богатую добычу...

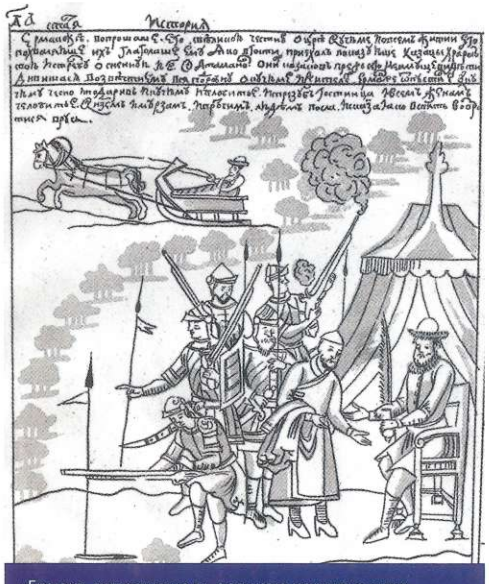
Третья битва, на Иртыше, жаркая, упорная, стоила жизни некоторому числу ермаковых сподвижников... Сибирские защитники изъявили неустрашимость и твердость; ввечеру уступили россиянам победу, но только до нового кровопролития...

Кучум вышел из укреплений и стал на горе Чувашьей (на берегу Иртыша, близ Искера-Кашлыка — *прим. ред.*). Маметкул расположился в засеке, и казаки, в тот же вечер заняв городок Атик-мурзы, не смыкали глаз ночью, опасаясь нападения».

Битве за сибирскую столицу, как повествуют летописи, предшествовало большое ночное совещание среди ермаковцев. После тяжелой дороги и первых стычек с неприятелем, утомительных речных маневров и марш-бросков в станы сибирских мурз казаки устали морально и физически. Но сильнее этой усталости был страх смерти, казавшейся неминуемой в столкновении с несравнимым по численности вражеским войском. Предпринятые им «психические атаки» впечатляли. Демонстрируя свое чудовищное превосходство «в живой силе», кучумовы военнослужащие выстраивались бесконечными вереницами по берегам рек, по которым шли струги Ермака. Потому не удивительны прозвучавшие на казачьем круге призывы повернуть назад, в русские земли. Но атаманы рассудили иначе. Посчитав, что шансы на благополучный исход обратного пути — по зимней тайге, а не осенним половодным рекам — вряд ли намного выше, чем на победу в кровопролитной схватке, они решили дать бой кучумлянам на подступах к Кашлыку.

«С первыми лучами солнца» казаки устремились к засеке (укреплению из сваленных деревьев) на Чувашевом мысу. Сочетая в сражении против конницы и пехоты Кучума залповый огонь из пищалей и безумно-отчаянные рукопашные контрвыпады, они сумели-таки деморализовать имевшего колоссальный численный перевес противника и в конечном итоге обратили его в бегство. Первыми побежали хантские и мансийские воины, напуганные неслыханно громкой ружейной пальбой. За ними — все остальные.

Летописцы XVII века и более поздние переписчики указывали на то, что Кашлыкская баталия длилась три дня. Это маловероятно — «расклад сил» не позволял дружине вести затяжные кровопролитные бои. Также не внушает особого доверия сообщение первых сибирских историков о том, что после победы казаки расположились в некоем «безопасном месте» на ночлег. Скорее всего, завоеватели «уложились» в один день — 26 октября.



«Ермакъ вопрошаше съ великою честию о царе Кучюме… похваляюще ихъ, глаголаше, яко въ гости приехалъ; показующе казацы храбрость свою и стрелбу огненную и 5 человекъ атамановъ». Рисунок в Кунгурской летописи второй половины XVII века (издание 1880 года).

ЗАПОЗДАВШАЯ ГРАМОТА

Одновременно с выходом флотилии Ермака из Орла-городка (Кердегана), т. е. 1 сентября 1582 г., произошло нападение аборигенов на пермскую крепость Чердынь. Получив о том известие, разгневанный Иван Грозный послал Строгановым «опальную грамоту».

В пересказе С. М. Соловьева (и в сокращении) она гласит так: «Писал к нам из Перми Василий Пелепелицын, что вы послали Ермака с товарищами воевать вотяков и вогуличей, пелымские и сибирские места 1 сентября. И в тот же самый день пелымский князь, собравшись с сибирскими людьми и вогуличами, приходил войною на наши пермские места, к городу Чердыни... Наших людей побил и много убытков нашим людям наделал... Отошлите в Чердынь казаков, как только они к вам с войны возвратятся... А не вышлете и если что вперед случится над пермскими местами от вогуличей, пелымцев и от сибирского султана, то мы за то на вас опалу свою положим большую, атаманов же и казаков велим перевешать».

Несколько смущает то, что в грамоте (извлеченной из Строгановской летописи) фигурирует какой-то не установленный царем «пелымский князь» (видимо, Аблегирим) и вновь появляется потерпевший по «ногайскому делу» В. Пелепелицын. Грамота датирована 16 ноября 1582 г. В это время Ермак уже находился в Кашлыке.

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

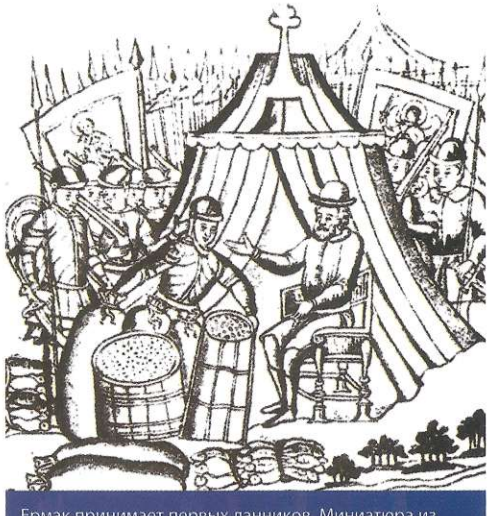
В стольном граде Сибири

Красочные, подробнейшим образом изложенные в современной литературе обстоятельства исторической битвы за Кашлык вряд ли следует воспринимать иначе, как вольные, ничем, в сущности, не подкрепленные сочинения реконструкторов. И все же некоторые ее детали можно считать установленными.

Из летописей известно, что кучумов военачальник Маметкул, желая как можно скорее расправиться с непрошеными гостями, приказал сделать проходы в засеке. Через них его воины бросились на казаков, но встретили достойный отпор.

Известно и то, что сам Маметкул получил в том бою ранение и едва избежал плена. Кучум наблюдал за происходившим с вершины Чувашевой (у Карамзина — Чувашьей) горы. Он был поражен дерзостью и доблестью сравнительно малочисленной казачьей дружины и предпочел откочевать на юг, оставив свою столицу победителям.

Автор «Истории государства Российского» подобающим штилем описал этот ключевой момент: «Ермак, отпев молебен, торжественно вступил в Искер, или в город Сибирь, который стоял на высоком берегу Иртыша, укрепленный с одной стороны крутизной, глубоким оврагом, а с другой — тройным валом и рвом. Там победители нашли великое богатство, если верить летописцу: множество золота и серебра, азиатских парчей, драгоценных камней, мехов и все братски разделили между собою. Город был пуст: овладев царством, наши витязи еще не видали в нем людей; имея золото и соболей, не имели пищи. Но 30 октября явились к ним остяки с князем своим Бояром, с дарами и запасами; клялись в верности, требовали милосердия и покровительства. Скоро явилось и множество татар с женами и с детьми, коих Ермак обласкал, успокоил, и всех отпустил в их прежние юрты, обложив легкою данью. Сей бывший атаман разбойников, оказав себя героем неустрашимым, вождем искусным, оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях, и в соблюдении воинской подчиненности... Пишут, что грозный, неумолимый Ермак, жалея воинов христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ослушание, за всякое дело стыдное».



Ермак принимает первых данников. Миниатюра из Ремезовской летописи.

Справедливо ли покорителя Сибири называть «бывшим атаманом разбойников»? На этот вопрос историки на протяжении нескольких веков отвечали всяк на свой манер — исходя из собственных знаний и этико-эстетических предпочтений, а также (или в первую очередь) господствовавших политических установок.

Трудно сказать, кем был Ермак в глазах Кучума после битвы под Чувашевой горой — посланником русского царя или предводителем лихой разбойничьей шайки. Во всяком случае, казачий атаман стал для последнего сибирского хана главным смертельным врагом.

Новая власть

В начале календарной зимы два десятка казаков и их командир есаул Богдан Брязга рыбачили на Абалацком озере «в 15 верстах от Кашлыка». Внезапно на них напали отряды залечившего раны Маметкула. Все ермаковцы погибли. Узнав об этом, Ермак с дружиной поспешил навстречу неприятелю. Битва в районе Абалака произошла 5 декабря 1582 года. Она была упорной и кровопролитной с обеих сторон и закончилась лишь с наступлением темноты. Татары нанесли казакам существенный урон, сократив и без того невеликий их отряд. И все-таки кучумляне отступили, не выполнив, по-видимому, своей главной задачи — отбить ханскую столицу.

Холодное оружие русской пехоты XVI века.

Скорее всего, именно тогда Ермак Тимофеевич и его соратники твердо решили послать посольство к русскому царю, дабы просить у него подмоги, «кланяясь новым царством». Между тем, слава о поражающих воображение подвигах казаков, их воинских умениях и невиданном бесстрашии, о «стреляющем огне и громе смертоносном» быстро распространялась по вассальным княжествам Сибирского ханства. Остяки, вогулы и другие коренные обитатели этих мест поняли: в обско-иртышских краях появилась новая могущественная сила, и противостоять ей бессмысленно.

Историки, придерживающиеся традиционных в России взглядов на процесс «прирастания страны Сибирью», отмечают еще один немаловажный фактор.

Принято считать, что Кучум отличался религиозной нетерпимостью, огнем и мечом насаждал ислам в завоеванных им землях. К тому же трон свой он получил в результа-

те убийства правителей-предшественников. Ермак же, если все-таки и был неравнодушен к вопросам веры, однако покорял сибирские племена и приводил их к шерти (присяге на верность и обязательству платить дань), как теперь говорят, «без фанатизма».

Как оно все было на самом деле, доподлинно неизвестно. Но нетрудно догадаться, что вслед за Бояром власть Ермака очень скоро признали и другие вожди сибирских племен. То есть перед отправкой посланников в Москву казацкий атаман, похоже, приобрел весьма большой авторитет на подконтрольных ему территориях. И это давало моральное право обращаться с ходатайствами на самом высоком уровне.

Согласно версии Р. Скрынникова, бить челом Ивану Грозному ермаковы послы отправились на судах, нагруженных соболями, лисицами и прочей «мягкой рухлядью», весной-летом 1583 года. Главой этой миссии был назначен Черкас Александров, а не Иван Кольцо, упоминавшийся в качестве руководителя делегации очень многими историками, начиная с Карамзина. На Черкаса прямо указывает Погодинская летопись, вступая, таким образом, в спор с большинством старейших сибирских рукописей. Почему же в данном случае (как, впрочем, и во многих других) историком отдано предпочтение Погодинской летописи?

В ней, по мнению Скрынникова, содержатся чрезвычайно важные сведения, которые, во-первых, были отражены в бумагах Посольского приказа конца XVI века; во-вторых, не упоминались в Есиповской и Строгановской летописях; а в-третьих, нашли свое подтверждение благодаря ценнейшей находке — «подлинной приходно-расходной книге кремлевского Чудова монастыря за 1586 год».

Как отмечает современный автор, «чудовские монахи прилежно записали имена своих вкладчиков, но только двух из них (Александрова и Болдырю) они назвали атаманами. "Сибирский атаман Иван Александров сын, а прозвище Черкас" принес старцам самые богатые дары. Черкас возглавлял сибирское посольство, а потому и казаки, и монахи именовали его атаманом».

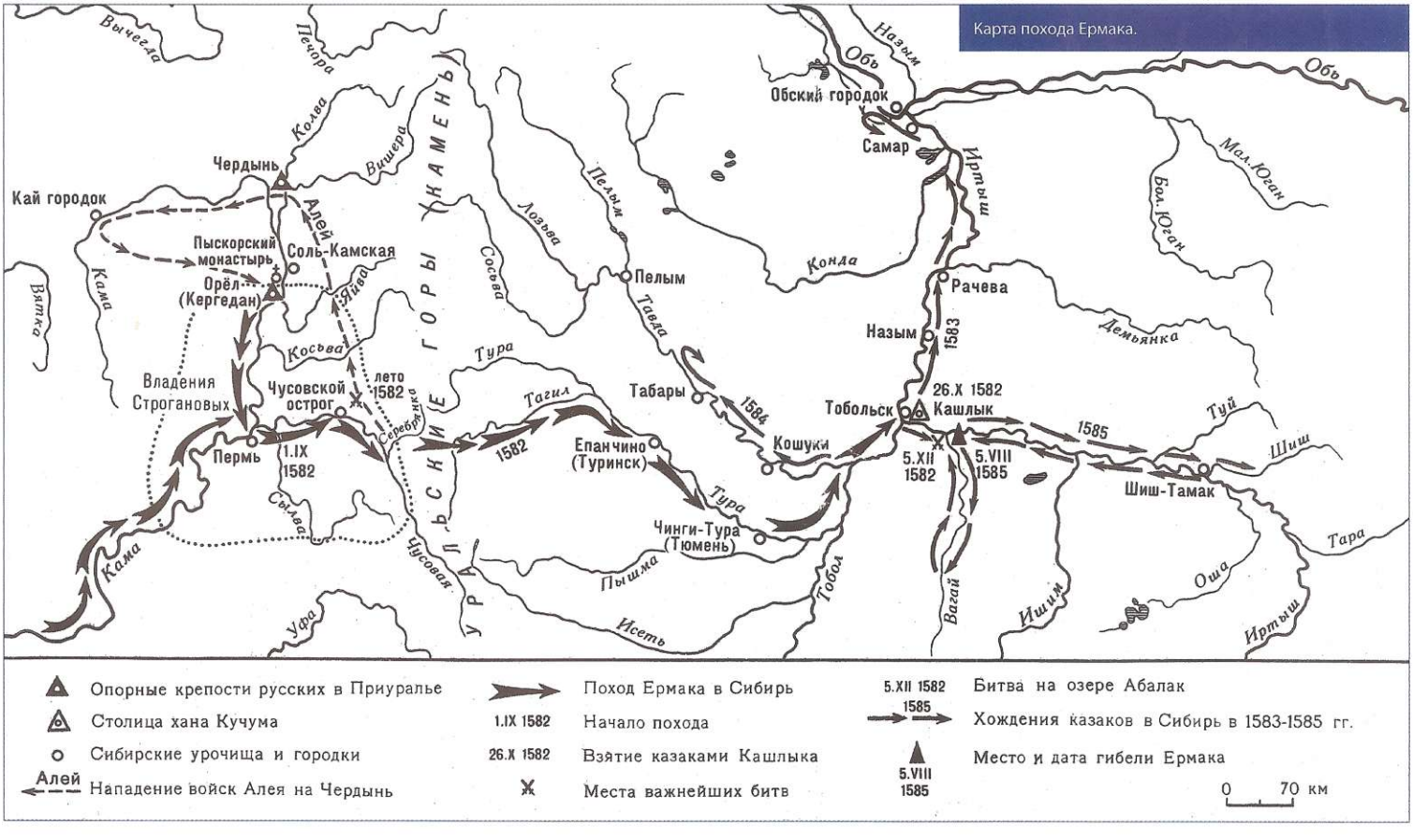
ЧИНГИЗИД-УЗУРПАТОР

Вновь цитируем Большую Советскую Энциклопедию: «Кучум (умер не ранее 1598), последний фактический хан Сибирского ханства. Ставленник шейбанидов (потомков Шейбана, брата Батыя). В 1563 сверг (и убил — прим. ред.) сибирских князей Едигера и Бекбулата — данников Ивана IV и затем порвал даннические отношения с царем. Вел борьбу против казачьей дружины Ермака. В 1582 потерпел поражение на Чувашевском мысу (современный мыс Подчуваш) на р. Иртыш и покинул свою столицу Кашлык».

О Кучуме в энциклопедических изданиях также сообщается, что он был чингизидом, то есть прямым потомком Чингизхана, и отказался платить дань Ивану Грозному после заключения мира с бывшими союзниками свергнутых сибирских правителей — в 1570-е годы.

Картина С. Чикуньчикова «Приход посольства Ермака к Ивану Грозному».

Карта похода Ермака.

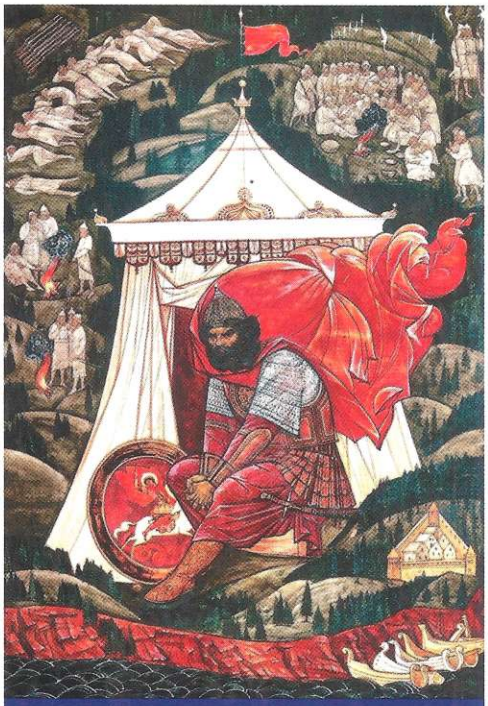


НА ВЕЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

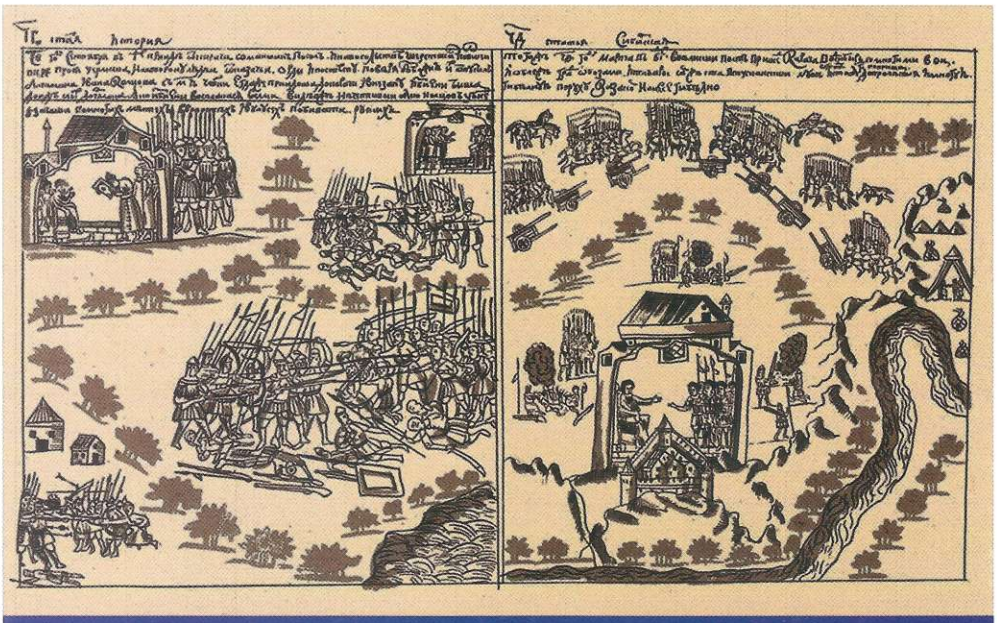
Друзья и недруги

Благосклонно приняв привезенные ермаковцами письменное известие о сибирском взятии и богатые дары ясачной пушниной, Иван Грозный откомандировал воеводу князя Семена Болховского, голов Ивана Киреева и Ивана Глухова с тремя сотнями ратников за Уральский хребет. Они, по замыслу царя, должны были получить из рук казаков управление завоеванным краем, а Ермака с его дружиной, щедро наградив, отправить в распоряжение «верховного главнокомандования». Неукоснительному выполнению этих царских распоряжений помешала череда крайне неблагоприятных обстоятельств. Самому Ивану IV, уже больному и немощному к моменту прибытия делегации из Сибири, жить оставалось меньше года. Поход царевых слуг через Камень по суше, первоначально планировавшийся на зиму 1583 года, был отменен по причине чрезвычайной рискованности этого предприятия. А следующей весной Иван Грозный умер, что, по-видимому, также задержало экспедицию князя Болховского. В Кашлык представители Москвы, проделавшие необыкновенно тяжелый для них путь, прибыли с наступлением суровой сибирской зимы 1584 года.

Ермак хотя и ждал помощи «из центра», времени зря не терял, приводя к шерти языческие поселения и мусульманские улусы на огромных пространствах теперешних Свердловской и Тюменской областей (включая Ханты-Мансийский округ). Далеко не все князьки и мурзы спешили под власть московского царя; наиболее непримиримые среди них ожесточенно сопротивлялись продвижению ермаковцев в северном, южном и восточном направлениях от бывшей кучумовой столицы. Тем не менее, как полагают многие историки, правители зауральских племен помогали Ермаку не только продовольствием. Представители местного населения наверняка пополняли традиционно интернациональный состав казачьих сотен, существенно поредевших уже после первых боев с войском Кучума. Иначе как объяснить столь продолжительное пребывание и правление Ермака на покоренных землях?



«Дума Ермака». Художник П. Шардаков.



Военные действия ермаковцев против князя Карачи в 1583—1584 годах. Рисунок в Кунгурской летописи второй половины XVII века (издание 1880 года).

Одними из первых, согласно утверждениям автора Ремезовской летописи, русскую власть добровольно признали мансийские вожди Ишбердей и Суклем, а также хантский князек Алачей. Неоценимую помощь оказал казацкому атаману татарский мурза Сеинбатха, выдавший место временной дислокации Маметкула. Казаки в одну из ночей напали на его стан, перебили всю охрану и взяли ханского военачальника в плен.

Весть о кучумовых неудачах быстро распространилась по всем исламским азиатским государствам. Сын Бекбулата и племянник Едигера Сеид (или Сейдяк), скрывавшийся от убийцы его ближайших

«ЧАС ПРИШЕЛ СМЕРТНЫЙ...»

О гибели Ермака из старых летописей «подробнее» всех поведала Ремезовская:

«В полночь напал на Ермака и его дружину Кучум с большим отрядом. Так как спали без охраны, час пришел смертный, и перебили их... Ермак же, видя гибель своих и не ожидая помощи ниоткуда, бежал в струг свой, но не мог допрыгнуть: облачен был в два царских панциря. Струг же отплыл от берега, а Ермак, не доплыв, утонул... Когда же остальные казаки в городе получили известие, то горько оплакивали его...

Когда увидели казаки, что предводитель их и дружина перебиты, оплакивали разлуку... Осталось их 150 человек, и против басурманских сил выступить было не с кем, а пребывание здесь грозило голодной смертью. Сели с воеводой в струги свои в 15 день августа, и погребли вниз по Оби и по Иртышу, и по Соби, и через Камень пришли в Русь в свои дома; в городе же (Кашлыке) не осталось никого».

родственников в Бухаре, принял решение вернуться в сибирские края, дабы отомстить Кучуму и возвратить своему роду захваченный узурпатором трон.

Все это привело к тому, что от незадачливого хана отвернулся его главный сановник Карача, а вслед за ним власть Кучума перестали признавать и многие другие правители земель Приобья и Прииртышья. «Сибирское царство разваливалось на глазах», — писал в своей книге Р. Скрынников. Однако силы до предела ограниченного казачьего контингента тоже неуклонно таяли. В сражениях под Назымом погиб ближайший сподвижник Ермака Тимофеевича и Ивана Кольца Никита Пан.

Прибытие в сибирскую столицу стрельцов под командованием Семена Болховского не облегчило, а скорее усугубило и без того нелегкое положение казаков на завоеванной территории. То ли заранее не позаботившись о запасе провианта, то ли израсходовав его в долгом пути, посланники Москвы своим присутствием породили в казачьих зимовьях массовый голод. Ту зиму не смогли пережить ни князь Болховский, ни абсолютное большинство его подчиненных. Более приспособленные к экстремальным условиям казаки тоже похоронили тогда в окрестностях Кашлыка немало своих боевых товарищей.

Последние битвы

Весна 1585 года принесла ермаковцам не менее трагические испытания. Покинувший Кучума Карача прислал к Ермаку гонцов с заверениями в дружбе и просьбой о военной помощи в его действиях против казахов и ногайцев. В ставку мнимого союзника отправились Иван Кольцо и сорок находившихся в его подчинении воинов. Все они были застигнуты врасплох и убиты. Спустя несколько дней погиб в неравном бою еще один казачий командир, Яков Михайлов, находившийся в разъезде неподалеку от Кашлыка.

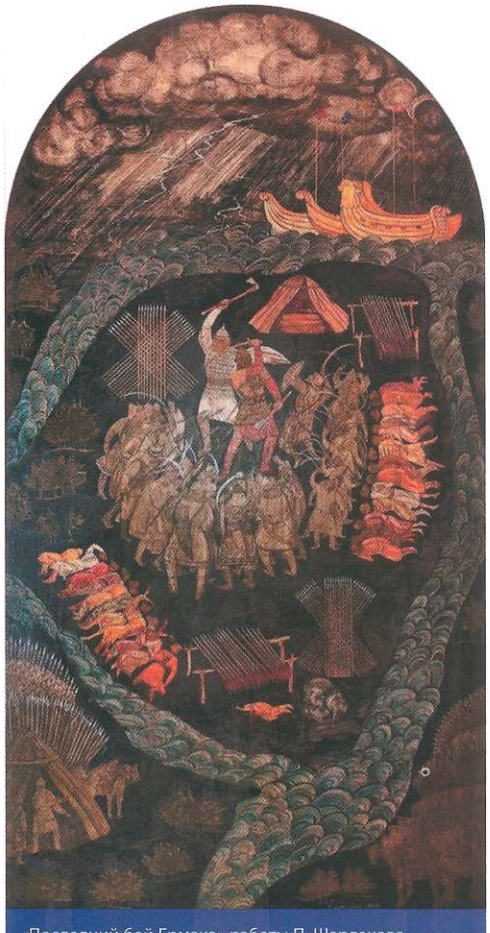
Карача, уверовавший в то, что дни Ермака сочтены, двинул отряды к стольному сибирскому городу и осадил его. В этой осаде ермаковцы находились, предположительно,

Иртышский берег.

около двух месяцев — до тех пор, пока не решились на отчаянную вылазку в стан врага. В середине июня в местечко Саускан, где находился штаб неприятеля, под покровом темноты пробрались несколько десятков казаков во главе с Матвеем Мещеряком. Этот рейд завершился для Карачи весьма плачевно. Он лишился двух сыновей, множества воинов и в панике бежал из Саускана, сняв тем самым длительную блокаду бывшей кучумовой столицы. Эта блистательная победа для «единомысленной и предоброй дружины» стала последней.

В начале августа противникам Ермака удалось организовать новую западню, распространив дезинформацию о задержанном на пути к Кашлыку бухарском караване. Казаки, пережившие почти трехлетнюю изоляцию вдали от родины, наверное, восприняли визит среднеазиатских купцов в новые русские владения как чудесную награду за ратные труды и беспримерные подвиги. Люди Кучума, заблаговременно расставленные на пути следования казачьих стругов, двигавшихся на выручку бухарцам, подтверждали в беседах с ермаковцами ложный слух. В тщетных поисках каравана казаки достигли верховья Вагая (притока Иртыша) и, утомленные долгим подъемом по реке, расположились на ночлег на одном из островов. Шел сильный ливень, заглушавший шаги лазутчиков и бойцов передовых подразделений врага...

Обстоятельства гибели Ермака на этом безымянном острове неизвестны. Летописцы со слов уцелевших соратников легендарного атамана свидетельствовали о том, что Ермак Тимофеевич в ночь на 6 августа 1585 года утонул в Вагае, увлеченный под воду тяжелой кольчугой.



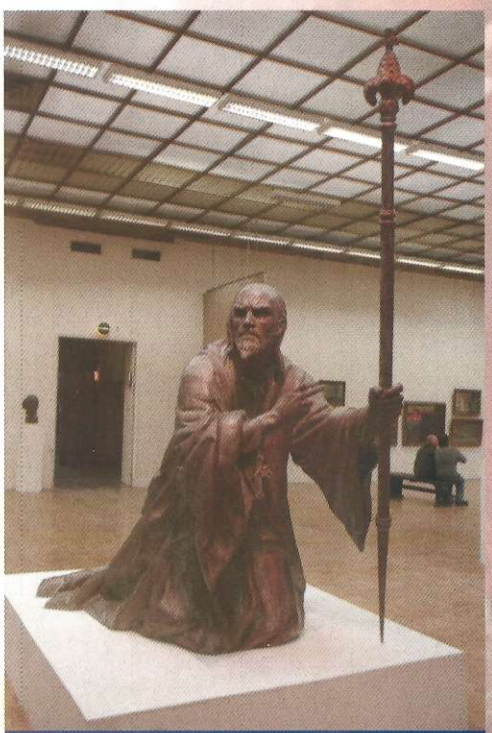
«Последний бой Ермака» работы П. Шардакова.

СУДЬБА ЕВРАЗИИ

Примерно через год после гибели Ермака и ухода остатков его дружины из Сибири русские вернулись за Урал, чтобы устроить там свой первый форпост — город Тюмень. Еще через год они основали «в 15 верстах от Искера» Тобольск, первую русскую «столицу Сибири».

Второй мир

Н. М. Карамзин писал: «В то время, когда Иоанн, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения, уступая их двадцати шести тысячам полумертвых ляхов и немцев, — в то самое время малочисленная шайка бродяг, движимых и грубой алчностью, и благородной любовью к славе, приобрела новое царство для России, открыла второй новый мир для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой, ознаменованный разнообразием, величием, богатством естества, где в недрах земли лежат металлы и камни драгоценные, в глуши дремучих лесов витают пушистые звери, и сама природа усевает обширные степи диким хлебом; где судоходные реки, большие рыбные озера и плодоносные цветущие долины, осененные высокими тополями, в безмолвии пустынь ждут трудолюбивых обитателей, чтобы в течение веков представить новые успехи гражданской деятельности, дать простор стесненным в Европе народам и гостеприимно облагодетельствовать излишек их многолюдства». С этими словами не поспоришь, и вряд ли тут стоит упрекать старейшину российских историков в излишней высокопарности.



Скульптура Ивана Грозного в Центральном доме художника.

«Сибирское взятие» стало беспрецедентным, удивительно символичным рубежом в нескольких основных для России «системах координат». Граница Руси, перевалив через Камень, продолжала неудержимо стремиться далеко на восток и в сравнительно короткий срок достигла Тихоокеанского побережья. Превращение восточноевропейского государства в величайшую по географическим меркам державу на века определило особенности наших нравов, культуры, бытовых условий, политических и экономических процессов, борьбы за национальные интересы. Пошло ли это на пользу народам огромной страны? Вопрос из области умозрительной риторики, граничащей с метафизикой. Пытаться ответить на него — все равно, что искать... ну, скажем, объективные причины возникновения нашей планеты и присутствия на ней рода человеческого. Наверное, Россия была обречена на территориально-геополитическое первенство. Наверное, если бы не было Ер-

Картина Я. Матейко «Стефан Баторий под Псковом».

мака, его роль рано или поздно сыграл бы другой отважный русский первопроходец. Наверное, за все приходится платить в сопоставимых ценах, в том числе и за исполинские континентальные размеры...

Рюрики и Романовы

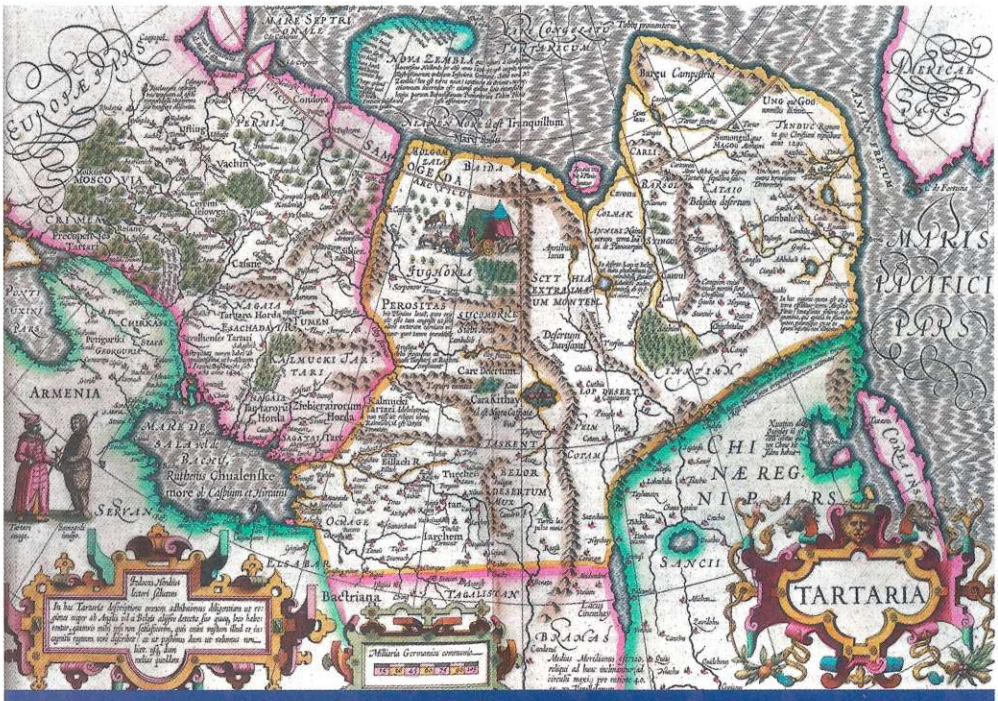
Другая рубежная историческая линия, «прочерченная» первоначальным этапом завоевания Сибири, разделяет ни много ни мало две известные нам русские царские династии. Первая, рюриковская, фактически прекратила существование со смертью Ивана Грозного, в аккурат совпавшей с финальными сценами знаменитой сибирской эпопеи. Вторая, романовская, начала свое правление в стране, уже ставшей во всех отношениях евразийской. Небезынтересно и то, что в период номинального царствования сына Ивана IV Федора Иоанновича (умер в 1598 г.) мощный импульс освоения бескрайних азиатских просторов в Русском государстве не угас. И даже не ослаб. Навсегда покидая царский трон, прямые потомки Рюрика как будто спешили присоединить к своим владениям как можно больше новых земель. Времена, которые принято именовать «смутными», также, по большому счету, не сказались на уверенном продвижении наших предков к Северному и Тихому океанам. А при первом царе из рода Романовых — Михаиле Федоровиче (1596—1645) — начала складываться ранняя ермаковская историография. Увы, она, мягко говоря, далека от совершенства. Как, впрочем и любая другая, относящаяся к эпохам рюриковичей.

«Раздача царских наград воеводам после взятия Казани». Миниатюра из списка Никоновской летописи XVI века.

Портрет царя Михаила Федоровича, созданный в XVII веке. Автор работы — иконописец Иван Максимов.

Стратегический вектор

Специалисты по XVI—XVII векам русской истории отмечают еще один знаменательный этап, непосредственно связанный с жизнью и подвигами атамана Ермака Тимофеевича. Его современники и боевые товарищи, герои битв за Казань и Астрахань, участники Ливонской войны и разгрома крымского войска (1572 г.) основали первую столицу донских казаков Раздоры, вновь создали или организационно укрепили Сибирское, Терское и Яицкое казачества, приступили к выполнению не



Страна Тартария в атласе Г. Меркатора, составленном в конце XVI в.

только тактических, сугубо военных, но и государственно-стратегических задач.

«Накануне сибирской экспедиции, — отмечал Р. Скрынников, — среди "воровских" казаков произошел раскол. Вместе с Иваном Кольцом в нападении на царского посла участвовали Богдан Барбоша, Савва Болдыря и Никита Пан. На казачьем круге атаман Богдан Барбоша возглавил тех "воровских" казаков, которые отказались присоединиться к Ермаку и Ивану Кольцу. Они оставались на Яике и спустя четыре года выстроили себе там укрепленный острог. Встревоженные воеводы приказали им идти на государеву службу. Приказ выполнили атаманы Матюша Мещеряк (один из главных героев «сибирского взятия» — *прим. ред.*), Ермак Петров (обратим внимание на еще одного Ермака — *прим. ред.*) и сто пятьдесят других казаков. Но Богдан Барбоша остался верен себе. Двести пятьдесят его казаков "с Яика не пошли и государевым грамотам не поверили"».

Русские пионеры

Многие из тех, кто «государевым грамотам» все-таки поверил, продолжили дело покорителя Сибири, став самыми активными (или даже главными) участниками глобального процесса освоения диких пространств. «Одноплеменники» Ермака утвердили свой бесспорный казацкий приоритет на всей территории азиатской части России. В конце XVI века казаки и стрельцы в основном завершили этап колонизации в Зауралье. В XVII веке они заложили первые поселения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Вслед за казаками шли осваивать неведомые края и другие пионеры-колонисты — крестьяне, купцы, ремесленники, чиновники...

Была ли колонизация, закономерно растянувшаяся на столетия, мирной? В основном, да. Во всяком случае, насильственной христианизации народов, многими поколениями веровавших в Аллаха, Будду или языческих духов, судя по всему, не было. Хотя добровольное крещение иноверцев, конечно же, приветствовалось. Не насаждалась и политика алкогольного спаивания, губительная для большинства коренных жителей таежных и тундровых областей. Российские монархи прямо запрещали «сие непотребство» своими специальными указами.

Земная слава

Н. Карамзин отмечал: «Тени Ермака и его усопших сподвижников манили россиян довершить легкое завоевание края неизмеримого, от Каменного Пояса до Северной Америки и Восточного океана, где, в течение веков, надлежало сойтись пределам нашего отечества с пределами испанских владений; где ожидали нас не только богатые рудники, драгоценные плоды звероловства, выгодная мена Китайская, но и слава мирного гражданского образования диких народов». Примечательная цитата, не правда ли? Девятый том главного труда всей своей жизни Карамзин написал в первой четверти девятнадцатого столетия, и в то время, как видим, он обращал внимание читателей на американские «пределы испанских владений», даже не вспомнив о владениях по преимуществу англосаксонских. Менее чем за два века политическая карта мира претерпела кардинальные изменения, однако территориальные завоевания, начатые Ермаком и продолженные его последователями, остались в прежних границах (не считая Аляски, открытой русскими в 1730-х годах).

Сибирь подарила России и миру немало подлинно выдающихся людей — ученых, писателей, деятелей искусства, политиков, путешественников, военных. И все же самым знаменитым сибиряком в представлении русского и других народов нашей страны был и остается Ермак Тимофеевич, который прожил в Зауралье, по-видимому, никак не более трех лет. И хотя он не был канонизирован Русской Церковью (скорее не благодаря, а вопреки православной традиции), благочестивый летописец повествовал о нем в типичном для житийной литературы стиле: «Великий Господь Бог наш христианский, тот, что одаряет рабов своих, как Самсона, исполинской силой, Ермаку Тимофееву сыну Поволжскому дал силу, счастье и храбрость смолоду, единственно всем сердцем и душой желать подвига».

Картина А. Васнецова «Красная площадь при Иване Грозном».

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕУНЩИКА

В последние десятилетия многие наши историки и краеведы пытаются привлечь всеобщее внимание к имени ермаковца, о котором Погодинская летопись упоминала как о полномочном казачьем представителе посольства к Ивану Грозному: «Когда же изволил Бог передать православным христианам Сибирскую землю, то по взятии, того же лета Ермак сотоварищи послали к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу с сеунчем (вестью о победе — *прим. ред.*) атамана и казаков. Тут же послан был Черкас Александров... И писали Ермак сотоварищи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу, что его государевы люди, атаман Ермак Тимофеев сотоварищи царство Сибирское взяли. И многих живущих там иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти их привели. А сибирского царя Кучума с его детьми Алеем да Алтынаем да Ишимом и с его воинами победили. И брата Кучума царевича Маметкула разбили».

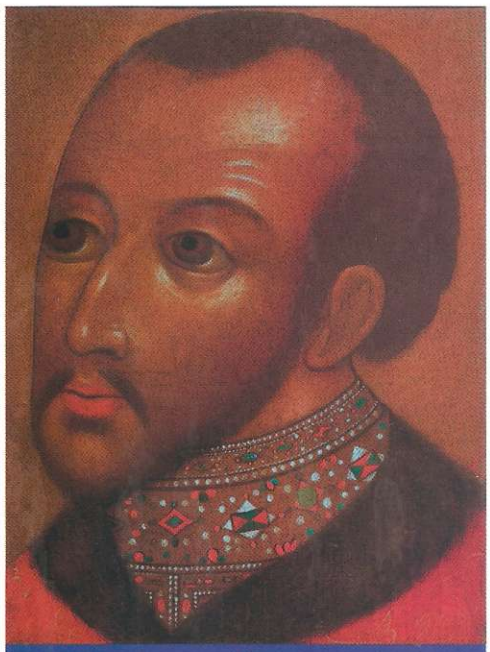
Вероятно, Черкаса не было среди тех, кто под началом князя Семена Болховского прибыл к Ермаку в преддверии самой тяжелой и трагической зимовки. Александров, выполнив почетную миссию, остался на три года в Москве и вернулся в Сибирь вместе с руководителем другой русской экспедиции за Урал — царским воеводой Василием Сукиным: «В лето 7094 (1586) по государеву цареву и великого князя Феодора Иоанновича... указу пришли с Руси воеводы Василий Борисов сын Сукин да Иван Мясной. С ними ж многие русские люди и ермаковы казаки Черкас Александров сотоварищи. И поставили на реке Туре град Тюмень, который прежде был градом Чимги. И дома себе поставили. И воздвигли церковь во имя Живоначальной Троицы в прибежище всем православным христианам».

Вследствие неоднократных упоминаний Александрова в Погодинской летописи некоторые весьма квалифицированные «ермаковеды» (и прежде всего профессор Е. К. Ромодановская) сделали вывод: Черкас был не только приближенным Ермака, но и первым «историографом» его дружины, то бишь человеком, собственноручно написавшим самое раннее сказание о «сибирском взятии». Ни подтвердить, ни опровергнуть эту и ей подобные гипотезы невозможно. Однако в том, что Черкас Александров реально существовал, сомневаться не приходится. Его сыновья в первой половине XVII века были определены в привилегированное сословие («верстаны в дети боярские»), и с тех пор немало сибирских фамилий вели свои родословия от ермакова сподвижника.

Другое дело, стоит ли верить абсолютно всем рассказам о невероятно долгой и перенасыщенной грандиозными вехами судьбе Александрова? А сообщали о нем много чего. В 1587 году Черкас якобы участвовал в основании Тобольска («в составе отряда из пятисот стрельцов под командованием письменного головы Данилы Чулкова»). В 1598-м — в деле окончательного разгрома отрядов хана Кучума (потерпевшего это поражение, возможно, неподалеку от нынешнего Новосибирска). В 1632-м — в закладке Якутска, а в 1639-м — Охотска (в возрасте 85 лет!).

Никто не спорит с тем, что отдельные ермаковцы были уникумами. И все же в случае признания вышеуказанных сообщений достоверными мы столкнемся с уникальностью какого-то чересчур невероятного свойства.

Основание Тюмени. Рисунок в Кунгурской летописи второй половины XVII в. (издание 1880 года).



«Царь Федор Иоаннович». Работа неизвестного художника конца XVI века.

Что же касается ликвидации последнего хана Сибири и возможного участия в ней легендарного сеунщика, то современные исследователи пишут об этом примерно так (версия одного из солидных сибирских интернет-порталов): «16 лет Кучум вел упорную партизанскую войну против русских. За это время на службу к русскому царю перешел один из лучших сибирских полководцев Маметкул. Кучуму так и не удалось собрать в кулак все татарское войско и нанести существенное поражение казакам. 4 августа 1598 года из Тары вышел отряд в 400 человек казаков и служилых татар во главе с воеводами Кузьминым и Воейковым. При отряде находился воинский голова Черкас Александров — участник экспедиции Ермака. Разведка доложила, что Кучум кочует на Черных водах (река Карасук Чулымского района), а с ним 500 воинов и 50 бухарских купцов. Воейкову во время погони за ханом приходилось брать в плен или вырезать почти всех татар на своем пути, чтобы никто не смог предупредить Кучума. Казаки настигли хана в устье реки Ирмень — там, где она впадала в Обь, и застали его врасплох...»

ЗАСЛУЖЕННЫЕ СИБИРЯКИ

Величественная тема сибирского освоения с давних пор стала для Российского государства не только одной из главных, но и в немалой степени консолидирующей. Она вдохновляла романтиков, обезоруживала скептиков, примиряла оппонентов, сплачивала союзников.

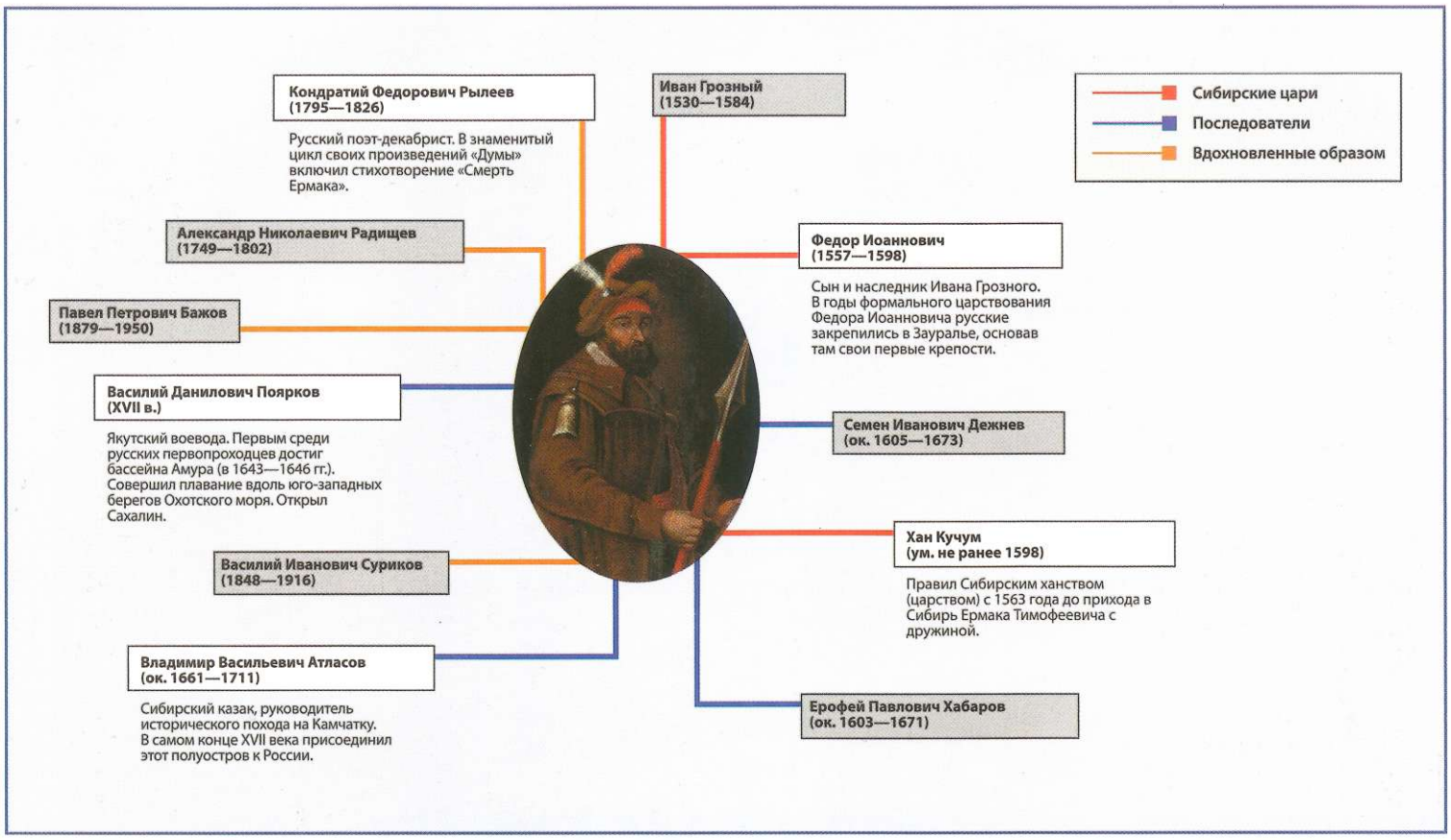
ГОСУДАРЬ СИБИРСКИЙ И ПРОЧИЙ: ИВАН ГРОЗНЫЙ (1530—1584)

Эпоха Ивана IV Грозного примечательна, прежде всего, тем, что в годы его правления Русь распространила свои владения на весь крупнейший материк планеты. Какова была в этом заслуга самого царя – «вопрос дискуссионный». Никаких санкций на завоевательный поход в Зауралье верховный правитель, по-видимому, не давал, а казачьей дружине Ермака – тем более. Однако, согласно сибирским летописям, к покорению Сибири казаками он отнесся с огромным воодушевлением: «Ермака же заочно своим государевым жалованным словом пожаловал и похвалил, также и всех его товарищей атаманов и казаков... И послал государь Ермаку с товарищами большое свое государево жалованье, сукна и золотые» (Есиповская летопись).

Иван IV родился 25 августа 1530 года в подмосковном селе Коломенском. Сын великого московского князя Василия III и Елены Глинской (дочери литовского князя). Венчан на царство 16 января 1547 года – спустя 13 лет после смерти отца. Несмотря на общеизвестные жестокость и мстительность Ивана Васильевича, его традиционно считают в России одним из наиболее выдающихся руководителей государства.

Умер в Москве 18 марта 1584 года.

КАРТА ЛИЧНЫХ СВЯЗЕЙ



О людях, чьи имена выделены серым фоном, в этом разделе рассказано подробнее.

ОПЕРЕДИВШИЙ БЕРИНГА: СЕМЕН ИВАНОВИЧ ДЕЖНЕВ (ОК. 1605—1673)

О жизни этого замечательного первооткрывателя известно немногим более, нежели о его предшественнике Ермаке. По некоторым данным, Семен Дежнев родился в Великом Устюге, в районе Северного Подвинья. Этот факт (точно не установленный), а также одно из летописных преданий послужили основой для возникновения версии о единой малой (в рамках региона) родине Ермака Тимофеевича и Семена Ивановича. Во всяком случае, жители мест, расположенных в бассейне Северной Двины, считают, что покоритель Сибири родился именно в их краях – в селе Борок (как сказано в летописи «з Двины, з Борку»), на территории нынешней Архангельской области.

Свой путь к славе казачий атаман Дежнев начал в Тобольске, первой цитадели созданного при участии ермаковцев Сибирского казачества. Служил в Енисейске, Якутске, через реку Индигирку достигал Северного Ледовитого океана. За двадцать лет трудной и опасной государственной службы был многократно ранен. В 1648 году прошел Берингов пролив – на 80 лет раньше Витуса Беринга.

Умер в начале 1673 года в Москве, куда несколькими месяцами ранее прибыл с собранной на востоке страны богатой данью.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ: ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ (ОК. 1603—1671)

В длинной исторической цепи прославленных казаков-первопроходцев Ерофей Хабаров как бы занимает «промежуточное звено» между Ермаком и Дежневым. Северодвинцы считают (и не без основания) Хабарова также своим земляком, свидетельствуя о его происхождении из казаков-устюжан.

Ерофей Павлович начал свои знаменитые путешествия в 1625 году, отправившись по речному пути из Тобольска на север и достигнув Таймырского полуострова. Впоследствии целенаправленно и успешно двигался на восток, нес службу на побережьях Лены и Амура, совершая длительные походы по этим рекам и их многочисленным притокам. Часто сражался с воинственными жителями восточных земель, проявляя по отношению к самым непокорным племенам крайнюю жестокость. Составил «Амурский чертеж» — схематическую карту Приамурья.

Последние годы жизни провел в одном из острогов, расположенных на реке Лене. Точное место смерти Ерофея Хабарова неизвестно, чаще всего историки называют в качестве такового Братск и Киренск в Иркутской области.

В честь Хабарова назван самый большой ныне город российского Дальнего Востока, краевой центр, основанный в 1858 году.

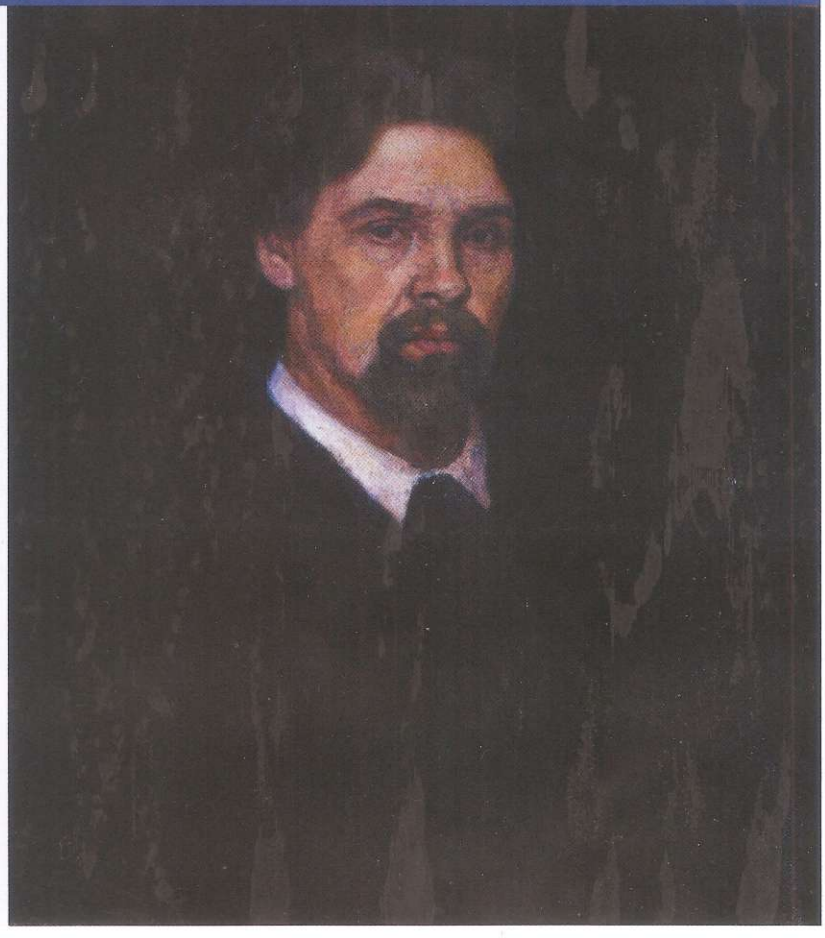
КАЗАК-ХУДОЖНИК: ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СУРИКОВ (1848—1916)

В автобиографических записках великий русский художник, автор монументального полотна «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем», рассказывал: «Необычайную силу духа я из Сибири привез... В 1891 году начал "Покорение Сибири" писать. По всей Сибири ездил — материалы собирал. По Оби этюды делал. К 95-му году кончил и выставил... Толстой, когда "Ермака" увидел, — говорит: "Это потому, что Вы поверили, оно и производит впечатление". А я ведь летописи и не читал. Она сама мне так представилась: две стихии встречаются. А когда я, потом уж, Кунгурскую летопись начал читать, — вижу, совсем, как у меня. Совсем похоже».

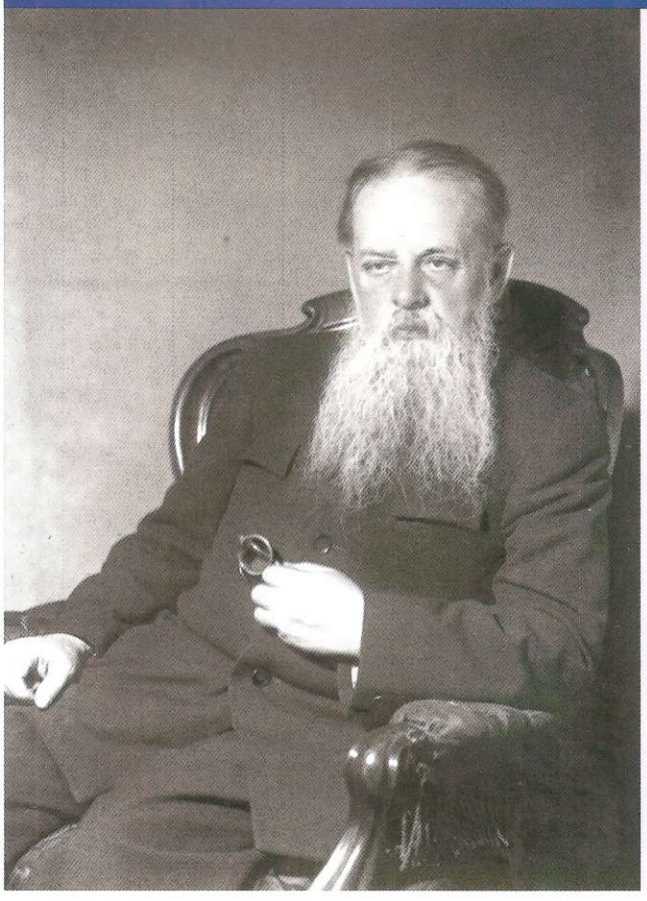
Василий Суриков родился в Красноярске, в казачьей семье. Двоюродный брат его деда был атаманом Енисейского казачьего полка. Одним из самых ранних творений художника считается акварель «Плоты на Енисее», написанная в 1862 году.

В течение шести лет (с 1869 года) учился и работал в Санкт-Петербурге — в столичной рисовальной школе и Академии художеств. В 1877 году перебрался в Москву. Часто ездил на родину, в Красноярск. В. И. Суриков — автор большого количества живописных произведений, признанных выдающимися явлениями национальной культуры.

Умер в Москве.



СОВЕТСКИЙ СКАЗОЧНИК: ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ (1879—1950)



Среди тех, кто считал, что Ермак до своего атаманства звался Василием Тимофеевичем Алениным, был и талантливый уральский писатель, фольклорист Павел Бажов. В обработанном им народном сказе, получившем название «Ермаковы лебеди», есть такие строки: «И ратные люди в этом Чусовском городке жили. Ну, и крестьяне тоже. В том числе был Тимофей Аленин. По доброй воле он туда пришел али ссылкой попал — это сказать не умею, только жил семейно. И было у него, ровно в сказке, три сына, только дурака ни одного. Все ребята ладные да разумные, а младший Васютка из всех на отличку. И лицом пригож, и речами боек, и силенкой не по годам вышел».

«Ермаковы лебеди», впервые опубликованные в 1940 году, два года спустя послужили основой для одноименной пьесы Евгения Пермяка. С тех пор версия, связанная с выдуманным именем сибирского героя, стала в нашей стране весьма распространенной.

П. П. Бажов родился в Сысерти (в 50 км от Екатеринбурга), в семье рабочего. В 1899 году окончил Пермскую духовную семинарию, после чего работал учителем в Зауралье.

В гражданскую войну воевал на стороне красных. За книгу «Малахитовая шкатулка» был удостоен Сталинской премии второй степени.

Умер в Москве, похоронен в Свердловске (Екатеринбурге).

ВОЛЬНОДУМЕЦ: АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ (1749—1802)

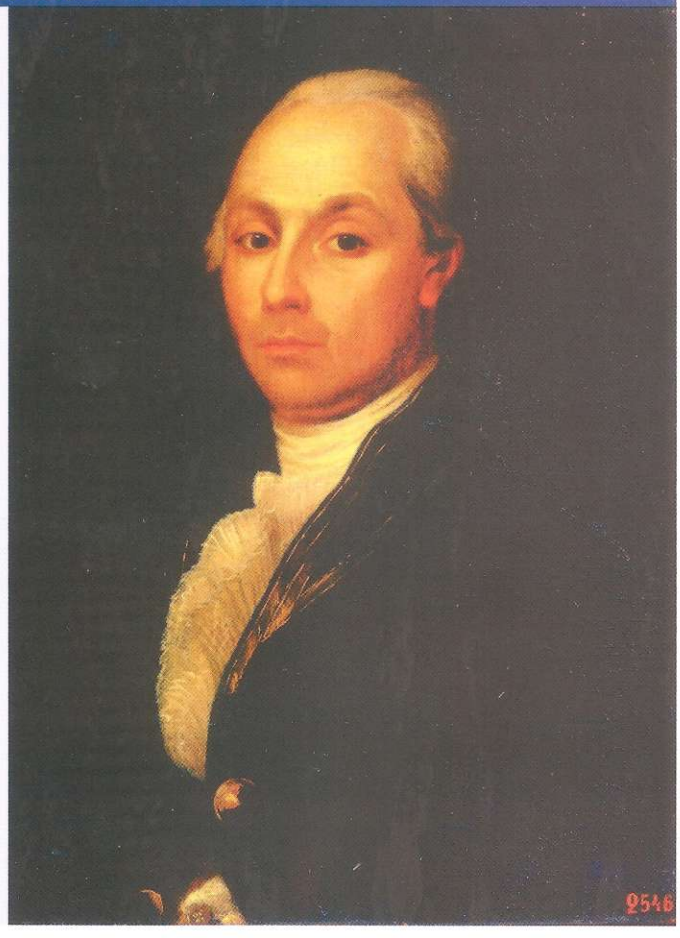
Известнейший вольнодумец екатерининской России, находясь в Илимском остроге, много размышлял и писал на сибирские темы. Одним из любимых героев писателя и философа Радищева был Ермак. В своей «повести богатырской стихами» под названием «Бова» Александр Николаевич взывал к образу покорителя Сибири: «О, Ермак, душа велика,/ Петь дела твои!.. Я с Волги/ Перейду на Дон, где древле/ (Так, как ныне) коней быстрых/ Табуны паслися многи,/ Где отечество удалых/ Молодцов, что мы издавна/ Называем казаками».

Не менее примечательны и другие радищевские строки, показывающие отношение их автора к подвигу Ермака: «Здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский... О народ, к величию и славе рожденный...»

А. Н. Радищев родился в Москве в богатой дворянской семье. В юности обучался в петербургском Пажеском корпусе. Затем в составе группы русских студентов в Лейпциге изучал основы права.

Начало литературной деятельности Радищева обычно датируется 1789 годом. За «Путешествие из Петербурга в Москву», опубликованное в 1790 году, был признан государственным преступником и приговорен к смертной казни, замененной 10-летней сибирской ссылкой. Пробыл в ней около пяти лет.

Умер в Санкт-Петербурге.

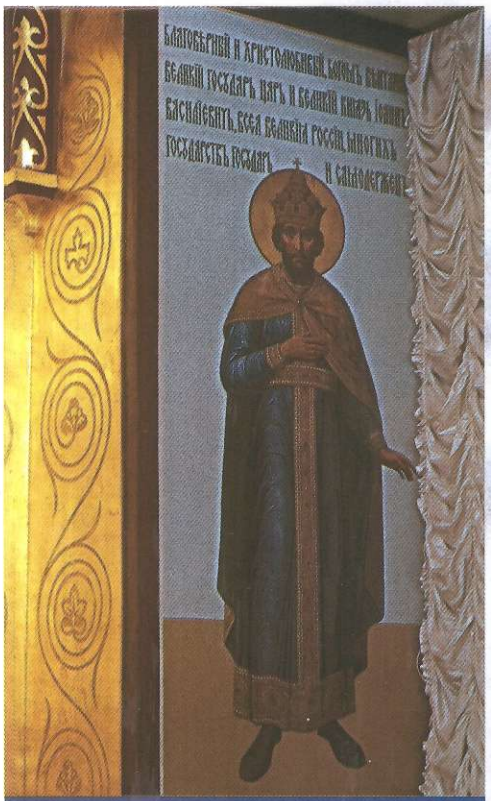


«В ПАРОХОДЫ, СТРОЧКИ» И Т. Д.

«И с тех пор до нынешнего дня установилось всеобщее поминовение — и в Москве, и здесь, в Тобольске, — Ермаку и соратникам его...» — сообщает Ремезовская летопись.

Тезка-ледокол

Если попросить нашего среднестатистического соотечественника среднего или старшего возраста (то есть бывшего советского школьника) перечислить навскидку известные ему корабли, то какие он вспомнит? В первую очередь, разумеется, «Аврору» и «Варяга». А во вторую (или тоже в первую), ледоколы, названные в честь первого главы советского государства и первого сибирского героя. Эрудиты при этом наверняка укажут на исторические приоритеты «Ермака», построенного в конце XIX столетия. А именно — в освоении Северного морского пути и в использовании радиотелеграфа, в том, что над проектом корабля работали ведущие специалисты своего времени адмирал Макаров и химик Менделеев. И, наконец, в том, что этот ледокол был вообще первым в России и лучшим во всем мире. Случайны ли подобные знаки уникальной корабельной судьбы? Едва ли.



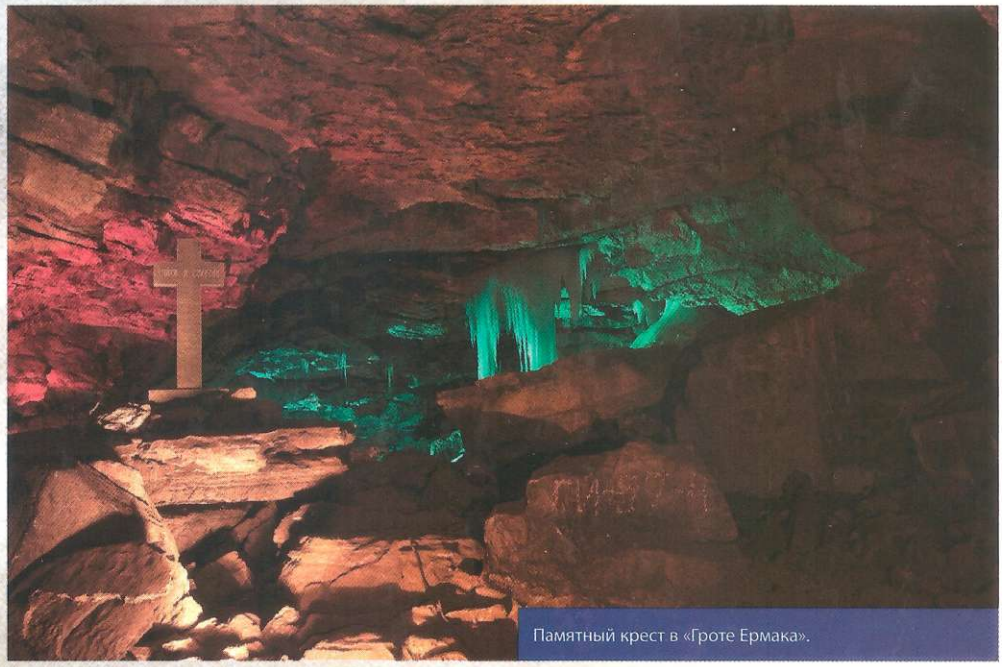
Фреска «Царь Иван Васильевич Грозный» в Московском Кремле.

В начале 1960-х годов, когда отслуживший свой срок ледокол власти решили отправить по частям на переплавку, мурманская общественность просила «партию и правительство» не уничтожать его, а превратить в музей. Коллективная просьба осталась без ответа, но сам факт этой инициативы заслуживает внимания. По правде говоря, ее идеологическая мотивация выглядела недостаточно безупречно. «Ермак», конечно, служил делу построения и развития социализма (и даже делу революции), однако не так заметно и не так эффективно, как многие его собратья, особенно те, что были помоложе да помощнее. И все же советские люди за него, ветхого старорежимного старичка, вступились. Видимо, руководствовались они при этом не только и не столько идейно-политическими соображениями, сколько этаким всеобщим непреодолимым чувством, очень близким к религиозному. Магия имени и подвига сибирского первопроходца за много веков не ослабла, отразившись в народных песнях, сказаниях, мифах. И не только русских.

«Чудотворен и страшен»

Семен Ремезов, предприняв в конце XVII века путешествие по «ермаковым местам», включил в свою летопись, в частности, такую легенду: «Когда утонувший Ермак в 13-й день августа всплыл, то принесло его иртышской водой к берегу под Епанчинские юрты. А татарин Якыш, Бегишев внук, ловивший рыбу и наживлявший перемет, увидел, бродя под берегом, человеческие ноги. И накинув петлю из переметной ве-

Картина Г. Челака «Ледокол "Ермак"».



Памятный крест в «Гроте Ермака».

ревки на ноги, вытащил тело на берег. Когда Якыш увидел надетые панцири, то понял, что утопленник не из простых, так как знал, что многие из казаков утонули. Побежал в гору в юрты, оповещая жителей, и быстро созвал всех, дабы увидели случившееся. Поняли все, что это Ермак, зная, что государь прислал ему два панциря. Когда же начал их снимать Кайдаул-мурза, то пошла изо рта и из носа мертвеца кровь, как из живого человека. А Кайдаул, ожидая, пока не перестанет течь кровь живая, как старший понял, что это человек Божий. И положил его нагого на лабаз, и послал послов по окрестным городкам: пусть де приходят взглянуть на нетленного Ермака, источающего кровь живую... Тогда же начали объезжать всех, приказывая: кто бы ни пришел, пусть вонзит стрелу в мертвое ермаково тело. Когда же вонзали, то кровь живая текла. Птицы же летали вокруг, не смея прикоснуться к нему. И лежал Ермак на лабазе шесть недель до первого дня ноября, пока из отдаленных мест не пришли Кучум с мурзами, и кондинские, и обдоринские князья, и не вонзили стрелы свои. И кровь из Ермака текла, как из живого, а многим басурманам и самому царю Сейдяку являлся он в видениях, требуя предать земле. Некоторые из-за этого сошли с ума. А именем его и до настоящего времени божатся и клянутся. И настолько чудотворен и страшен, что когда разговаривают в беседах между собой, то без слез не обходится. И называли его богом, и погребли по своему обычаю на Баишевском кладбище под кудрявой сосной».

Современные историки в большинстве своем с понятным скепсисом относятся ко многим «свидетельствам» Ремезовской летописи. Не могли сибирские мусульмане похоронить Ермака на сакральном для них Баишевском кладбище — поблизости от мавзолея Хакима-аты, видного исламского шейха-проповедника, коего тогда почитали (и сейчас почитают) как святого. Не присылал, судя по всему, царь Иван Грозный никаких панцирей Ермаку. А та кольчуга, что хранится ныне в Оружейной палате, вряд ли принадлежала когда-либо покорителю Сибири.

«Ермаку отъ утопления, августа въ 13 день, восплывшу, и принесе его Иртышною водою подъ Епанчинские юрты къ брегу». Рисунок в Кунгурской летописи второй половины XVII века (издание 1880 года).

И все же элементы мифотворчества, которыми пронизано летописное произведение уроженца Тобольска Семена Ульяновича Ремезова (ок. 1642 — после 1720), не помешали ученым обильно использовать в своих трудах имена персонажей и многочисленные топонимы, содержащиеся только в этих (и больше никаких иных) ранних сказаниях. И это, наверное, правильно. Ведь та же топонимика Ремезовской летописи — продукт не только сибирского фольклора, но и тщательных исследовательских усилий, предпринятых Семеном Ульяновичем. Кстати, упомянутый в летописи Сейдяк (Сеид, сын Бекбулата) после гибели Ермака действительно ненадолго занял сибирский престол, но был свергнут в 1587 году воеводой Данилой Чулковым и отправлен в Москву.

Есть в «монографии» Ремезова и такой сомнительный, с точки зрения многих историков, эпизод. Ермак, по версии тобольского летописца, начал свой поход за Урал еще в 1579 году. Но в дороге якобы «обмишенился» (заблудился) и, не перевалив через Камень, вынужден был вместе с дружиной перезимовать в пещере, неподалеку от устья Серебрянки. Там и по сей день проводят туристические экскурсии в так называемый «Грот Ермака», старательно украшая познавательные рассказы ярким орнаментом легенд-небылиц.

Два Тимофеевича

Неизменная, отраженная в богатом народном творчестве популярность Ермака Тимофеевича давно поставила его в первый ряд наших главных национальных героев, вместе с былинным Ильей Муромцем и незабвенным Стенькой Разиным. А если вспомнить, что муромского богатыря в былинах нередко называли «казаком», а Степан Разин и был таковым, то нетрудно догадаться об особом уважении русского народа к вольному казачеству. Увы, это чувство далеко не всегда разделяла с «массами» российская аристократия. Напуганная масштабными казацко-народными мятежами и восстаниями, она в течение долгого времени так или иначе ассоциировала казаков с «ворами», государственными преступниками. Не обошли стороной эти огульные ассоциации и сибирского первопроходца. На это справедливо указывал в своей книге Р. Г. Скрынников: «Предания о "грабежах" Ермака на Волге широко отразились в фольклоре. Но тут они приобрели совсем иной смысл, нежели в официозных источниках. К исходу XVII века у Ермака появился "соперник" — Степан Разин. Рассказы о разинских разбойных нападениях на Волге оказали заметное влияние на развитие легенды о Ермаке. В фольклорных произведениях начальный этап сибирской экспедиции Ермака стал живо напоминать начало разинщины. Наиболее четко фольклорные мотивы отразились в Краткой сибирской летописи из Кунгура, составленной замечательным тобольским историком Семеном Ремезовым. Согласно летописи, Ермак поначалу будто бы действовал в "скопе" с пятью тысячами человек. Затем он уже с семью тысячами пограбил персидских послов и решил идти в поход на Каспий. Царь послал стольника Мурашкина вешать "воров". Тогда-то Ермак и дружина задумали "бежать в Сибирь разбивать". В приведенном рассказе все вымышлено: и имя стольника Мурашкина, и данные о численности "скопа" Ермака, и сведения о нападении на послов».

Памятник Ермаку в Новочеркасске.

К этому нелишне добавить, что тенденциозная ермаковская историография складывалась не только под влиянием событий, связанных с донским казаком Степаном Разиным. Другой, не менее знаменитый, донской казак, Емельян Иванович Пугачев, также добавил немало проблем во взаимоотношения российских самодержцев с казачеством. И если придворный историк Герард Миллер писал свой труд о Сибири еще до пугачевского восстания (и все равно величал казаков «ворами»), то как, спрашивается, Николаю Карамзину было отойти от «генеральной линии» в освещении событий XVI века?! Тем не менее, слово «воры» применительно к ермаковцам в «Истории государства Российского» уже не употребляется, будучи замененным на более благозвучный эпитет «разбойники». Ермака и его соратников перестали считать «ворами» и «разбойниками» только тогда, когда казачество не

Картина В. Сурикова «Степан Разин».

таило в себе какую то ни было угрозу политической стабильности в стране. И, наконец, в чрезвычайно знаковой скульптурной композиции огромного памятника «Тысячелетие России», установленного в 1862 году в Новгороде, фигура прославленного казачьего атамана заняла свое почетное место.

Новые прочтения

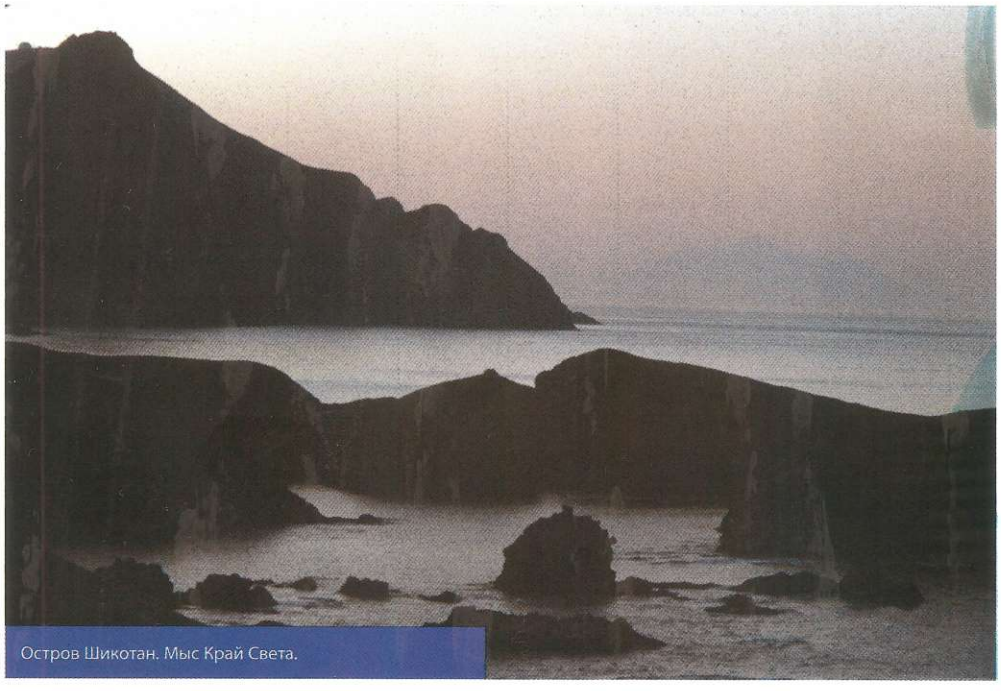
Во времена СССР отношение к образу славного атамана было, в общем-то, положительным. «Особенный» советский патриотизм не способствовал детальному изучению межнациональных и межконфессиональных проблем, с которыми пришлось столкнуться «дореволюционным» завоевателям, и в то же время «стоял на страже» евразийского единства и целостности советского государства. Более того, через десять лет после переплавки ледокольного «Ермака» со стапелей Финляндии был спущен новый советский ледокол с тем же именем.

Своего рода ренессанс отечественное «ермаковедение» переживало с сороковых годов XX века, когда ведущие советские историки — сначала Д. С. Лихачев, а затем В. И. Сергеев, Е. К. Ромодановская, Е. И. Дергачева-Скоп, Р. Г. Скрынников и многие другие — попытались заново прочесть и осмыслить ранние сибирские летописи, проанализировать «родственный» им фольклор, провести собственные исследования по этой тематике. Но и им единую, непротиворечивую реконструкцию картины «сибирского взятия» завершить не удалось, споры вокруг его датировок и иных немаловажных обстоятельств все еще продолжаются.

В наше время факт покорения Сибири Ермаком приобрел новое и отнюдь не самое бравурно-жизнеутверждающее звучание. Ведь когда Ломоносов говорил о великих перспективах прирастания России Сибирью, то он имел в виду, конечно же, не поспешную разработку новых и варварскую эксплуатацию старых нефтегазовых месторождений, не хищническую рубку векового леса и не безжалостное загрязнение бесценных природных водоемов (Байкала, например). Да и не было во времена Ломоносова особой надобности в нефти и газе, о целлюлозе же имелись представления самые поверхностные. Теперь на этих природных ресурсах держится, по сути, вся экономика огромной страны. Есть ли у Российского государства достаточный потенциал для того, чтобы и дальше веками владеть огромными пространствами от Урала до Тихого океана? Власти уверяют, что есть. Но они не были бы властями, если бы утверждали обратное. В мире же, который принято считать цивилизованным, все чаще раздаются призывы пересмотреть геополитический статус-кво, сделать Сибирь и Дальний Восток величайшей на планете зоной «международного» влияния. Подобные предложения можно было бы игнорировать, как лишенные каких бы то ни было оснований и даже здравого смысла, однако вескость этих «оснований» растет год от года, по мере закрепления за нашей страной целого комплекса экономических (как минимум экономических) атрибутов «сырьевого придатка».

Памятник «Тысячелетие России» в Новгороде. Скульптор М. Микешин.

Видны ли какие-то противоположные тенденции? Ответить сложно. Вернее, можно, но в духе притч-анекдотов про пессимиста и оптимиста. Пессимист, глядя на растущее благоустройство югорских («ханты-мансийских») населенных пунктов, наверное, скажет: «Все эти красивые, ухоженные городки строятся только ради добычи нефти и газа. Истощатся их запасы, и придет конец тамошнему благоустройству». Оптимист возразит: «Там, где ермаковцы приводили к шерти остяков и вогуличей, а их последователи собирали "мягкую рухлядь" и возводили первые русские остроги, строятся ныне великолепные храмы, современные научные, культурные и развлекательные центры, грандиозные спортивные сооружения, комфортабельные жилые дома, больницы, школы и детские сады. Все это говорит о том, что Сибирь была, есть и будет российской землей». Истина, видимо, лежит где-то посередине, к тому же Югра — всего лишь часть наших огромных азиатских пространств. Чтобы восторжествовала правота оптимиста, российскому обществу следует кардинально изменить свое отношение к «дармовым» плодам завоеваний наших сильных духом предков. Но это, как говорится, уже совсем другая история...


Остров Шикотан. Мыс Край Света.

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

100 НАША ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ ИМЕН

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ

ISSN 2076-7137

9 772076 713771 00024

DeAGOSTINI